

АВТОР, КНИГИ КОТОРОГО ПРОНИКАЮТ В САМОЕ СЕРДЦЕ!

ТАТЬЯНА КОГАН

ЧУЖИЕ
ИГРЫ

Мир, где все наоборот

Чужие игры. Остросюжетные романы Т. Коган

Татьяна Коган

Мир, где все наоборот

«ЭКСМО»

2014

Коган Т. В.

Мир, где все наоборот / Т. В. Коган — «Эксмо», 2014 — (Чужие игры. Остросюжетные романы Т. Коган)

Слишком долго эти четверо чувствовали себя безнаказанными, забыв, что за свои грехи рано или поздно приходится расплачиваться... Еще в школе Глеб, Макс, Иван и Лиза начали игру, правила которой лежали за гранью добра и зла: по очереди исполнять желания друг друга, какими бы они ни были. Обман, подлог, насилие, предательство и, наконец, убийство – они поняли, что не остановятся ни перед чем... Но все же нашелся человек, решивший покарать зарвавшуюся компанию друзей, возомнивших себя богами на земле. На чьей же стороне окажется правда и не станет ли она в итоге слишком страшной, чтобы принять ее? Ответят ли они за все свои преступления?

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	18
Глава 5	24
Глава 6	28
Глава 7	32
Глава 8	36
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Татьяна Коган

Мир, где все наоборот

© Коган Т.В., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Глава 1

Сознание возвращалось медленно. В голове шумело, а перед глазами, когда их удавалось приоткрыть, мерцала голубоватая дымка, похожая на морскую рябь. Тело неприятно покалывало и весило как будто больше обычного. Кирилл не смог бы подняться на ноги, даже если бы захотел. Впрочем, в данную секунду он не испытывал ни малейшего желания двигаться, опутанный странным, тягучим полусном. Кирилл еще долго не предпринимал бы попыток проснуться, если бы не тревожное ощущение чьего-то присутствия. Кто-то находился рядом, молча наблюдая за ним. Инстинкт самосохранения заставил его разлепить тяжелые веки и сфокусировать взгляд. Голубоватая дымка покачнулась, но никуда не исчезла. Несколько минут он напрягал зрение, пока не понял, что глаза его не подводят: он действительно смотрит на воду. Прямоугольное полотно бассейна переливалось под светом электрических ламп.

– Очухался? – раздался голос откуда-то сбоку.

Кирилл с трудом повернул голову. Пожилой мужчина в деловом костюме стоял неподалеку, скрестив руки на груди. На выглядывавших из рукавов пиджака манжетах поблескивали стильные золотые запонки.

– Где я? – хрипло спросил Кирилл. Во рту пересохло, словно он не пил несколько дней. И голова болела. Черт, как же болит голова!

– И где ты, и куда отправишься, я тебе объясню, как только получу ответы на свои вопросы, – мужчина сунул руки в карманы брюк и подошел ближе. – И мой первый вопрос: кто ты такой, твою мать?

Кирилл внимательно посмотрел на незнакомца, затем оглядел помещение. Он здесь уже был. Точно. Это подвал в доме Велецкой. Но какого черта он тут делает? И как здесь оказался? Последние воспоминания – теплая ванна и обнаженная женская грудь. Ольга рассказывала бредовую историю, смысл которой ускользал от него с каждым новым ее словом. Рассказ Велецкой почти не закрепился в его памяти, зато кое-какие детали минувшего романтического свидания стали проясняться. Например, лезвие в руках Ольги. Боль от порезов. Притупленное чувство страха. Полная неспособность шевелиться.

Кирилл дернулся, внезапно осознав суть поступка Велецкой. Чокнутая шизофреничка едва не убила его, подпоив какой-то отравой. Но как ему удалось избежать смерти? И где сама Ольга? Он попробовал подняться с пола, но с удивлением обнаружил, что связан по рукам и ногам.

Незнакомец нервно усмехнулся, заметив недоумение на лице пленника:

– Я не люблю повторять. Но, учитывая твое состояние, сделаю исключение, – он присел на корточки рядом. – Итак, кто ты такой?

Разговаривать лежа было не очень комфортно, Кирилл с усилием сел и прислонился спиной к стене. Предплечья пронзительно заныли, а перед глазами заплескались темные круги. Он восстановил дыхание и поднял глаза:

– А кто спрашивает?

Не успел он закончить фразу, как получил удар в челюсть, – не самый мощный, но довольно болезненный. Поморщился и упрямо покачал головой.

– Так дело не пойдет.

Резкий удар в солнечное сплетение вышиб воздух из легких. Пленник закашлялся, еле удержав равновесие и едва не повалившись на пол. Какого черта происходит? Хреновое начало для новой жизни. Губы растянулись в горькой усмешке:

– Кирилл Смирнов меня зовут. Приятно познакомиться.

Пожилой мужчина утвердительно кивнул:

– О том, что тебя зовут Кирилл Смирнов, я в курсе. Твой паспорт пробил. И знаешь что? Никаких следов твоего существования в этом мире не обнаружил. Дорого новый документ тебе обошелся?

– Понятия не имею.

– Откуда ты взялся? И что, твою мать, делал в одной ванне с моей женой?

Кирилл на мгновение задержал дыхание и рассмеялся в голос. Так вот кто этот престарелый агрессор! Муж Ольги!

– Лучше бы тебе перестать смеяться, – Велецкий зло прищурился.

– Прости, – искренне извинился Кирилл, переводя дух. – Так это ты меня спас?

– Спрашиваю я. Отвечаешь ты. Твои настоящие имя-фамилия?

– Хотел бы я их знать.

Мужчина поднялся на ноги и принялся ходить из стороны в сторону, раздумывая, как заставить говорить неудачливого любовника жены. Применять крайние меры не хотелось, но, если в ближайшие несколько минут этот ушлепок не прояснит ситуацию, придется прибегнуть к насилию.

Сергей Велецкий всегда был человеком рациональным, чуждым метафизических метаний. Свои действия планировал, следуя логике, и в конечном итоге осуществлял намеченные цели. Вот и вчера, проведя на работе утреннюю планерку, он покинул офис, приняв разумное решение порадовать жену своим внезапным появлением. В последние дни Оленька была чем-то озабочена, и он намеревался сделать все возможное, чтобы вернуть жене прежнюю уютную меланхоличность. Брак полностью устраивал Сергея. Жену он искал долго и скрупулезно, но, познакомившись с Оленькой, покорился ей сразу и бесповоротно. Она была идеальной женщиной. И все минувшие пятнадцать лет – идеальной супругой. Он чувствовал малейшие перепады ее настроения, надо отметить – не слишком частые, и умело корректировал их в своих интересах. В последние недели он непростительно заработался, уделял жене мало внимания, и вскоре это аукнулось. К счастью, Велецкий вовремя почувствовал отстраненность Оленьки. Поэтому и поспешил домой, собираясь преподнести сюрприз любимой.

То, что он увидел, поднявшись на второй этаж, повергло его в ступор. Супруга лежала в ванне с каким-то мужчиной, оба без сознания, с перерезанными венами. Велецкий двигался автоматически, почти ничего не чувствуя. На время мозг отключил эмоции, чтобы те не мешали ему совершать правильные действия. Вытащил Ольгу из кровавой воды, перевязал ей руки. Минуту колебался – спасать ли незнакомца? Резонно подумал, что его показания по поводу произошедшего будут очень кстати...

«Скорая» приехала быстро. В больнице пострадавшим наложили швы и сделали переливание крови. Оленька долго не приходила в себя, а незнакомец стал подавать признаки жизни уже к вечеру. Дальнейшее было делом техники. Из больницы мужчину вывезли ближе к ночи напрямик в коттеджный поселок. Пришлось объяснить охранникам, что сегодня от них требуется нестандартная работа. Ребята неглупые, смекнули, что к чему, и отказываться не стали. Тем более после обещания двойной оплаты.

Велецкий остановился напротив жертвы:

– Спрашиваю последний раз: твои настоящие имя-фамилия?

Кирилл сглотнул застрявший в горле комок.

– Воды можно?

Велецкий расширил ноздри, едва сдерживаясь, чтобы не вмазать ему ногой по лицу. Опасность для жизни Оленьки миновала, и ненависть к неизвестному мужику, каким-то образом причастному к кровавому событию, стала накачивать с устрашающей быстротой. Эта мразь отказывается от нормального диалога? В таком случае придется продемонстрировать свои серьезные намерения. Не хочет по-хорошему, будет по-плохому.

– Воды? – Сергей бросил быстрый взгляд на стоявших у двери телохранителей. – Можно.

Двое амбалов приблизились к пленнику и поволокли его к бассейну. Уложили животом на бортик. Пока один удерживал ноги, второй надавил на затылок, погрузив голову жертвы под воду. Кирилл не успел полноценно вдохнуть, поэтому очень скоро начал задыхаться. Грудь конвульсивно вздымалась, мышцы напрягались, тщетно пытаясь разорвать путы. Шею свело судорогой, кровь прилила к лицу, казалось, глаза лопнут от напряжения. Еще секунда – и Кирилл втянул бы носом воду, наполнив ею легкие, но давление на затылок ослабло, и он рванулся вверх. Судорожно глотнул воздух и в ту же секунду снова оказался под водой.

Сергей Велецкий сосредоточенно следил за действиями телохранителей. Зрелище было неприятное; несколько раз он порывался сказать «стоп», однако после трех-четырех окунаний пленник сам выразил желание говорить. Его поставили на колени, повернув лицом к хозяину и дав время отдышаться. С мокрых волос стекали струйки воды, пропитывая футболку и брюки. Несколько секунд Кирилл молчал, а потом улыбнулся, с вызовом посмотрев перед собой.

– Вообще-то воды просил в другом смысле. Но спасибо и за это.

– Если тебе мало, можно добавить, – сдержанно сказал Велецкий. Внутри все кипело от ярости, но внешне он сохранял спокойствие. Этому ушлепку не вывести его из равновесия. По крайней мере до тех пор, пока он не выяснит всю предысторию случившегося.

– Ты очень великодушен, – оскалился Кирилл. Ситуация начинала его забавлять. Объективно говоря, только ненормальный увидел бы в происходящем что-то веселое, но сейчас его меньше всего заботила собственная адекватность. Неделю назад он очнулся в пустом доме, не помня ни единой секунды из прошлого, без намека на то, кто он и где находится. Странная записка с предложением начать новую жизнь и не морочить себе голову над поисками ответов лишь добавила новых вопросов. Паспорт на имя Кирилла Андреевича Смирнова, банковская карта и добротный дом – вот все, что имелось в его распоряжении. Немало для старта.

Он пребывал в растерянности, пока не познакомился с молодой красивой соседкой. Благодаря Ольге первые дни новой жизни обрели светлые стороны. Не прошло и недели, как Кирилл почти смирился со своей участью. Он планировал перебраться в город, устроиться на работу, завести знакомства. И все было бы замечательно, если бы Ольге не приспичило совершить самоубийство и за компанию прихватить на тот свет соседа. Как ни крути, внезапное появление мужа Велецкой оказалось весьма кстати. И то, что сейчас он метал молнии, явно намереваясь учинить самосуд, было все-таки лучше, чем однозначная смерть. Пока ты жив, всегда есть шанс изменить ситуацию. Кирилл видел, что обманутый муж настроен добиться правды, но, к несчастью для себя, не мог удовлетворить его желание. Хотя бы потому, что эту самую правду он и сам не знал. Однако искренне надеялся договориться.

– Повторяю в последний раз, – Велецкий тяжело выдохнул. – Кто ты такой на самом деле?

– Вопрос из разряда философских.

– Вопрос предельно конкретный. Если ты не готов отвечать сейчас, я зайду позже, – в его голосе прозвучала угроза.

Улыбка исчезла с лица Кирилла. Он вперил в мужчину серьезный взгляд:

– Я ничего не знаю о себе. У меня амнезия.

– В таком случае тобой займутся мои врачи, – ноздри Велецкого дрогнули. Он повернулся к одному из охранников: – Мне нужно, чтобы он заговорил. Не сдерживайте себя.

Поспешно развернулся и покинул помещение, кляня себя за слабость. Даже не может допрос провести как следует, спасается бегством, перекладывая ответственность на чужие плечи. Он не одобрял пыток, но без них сейчас не обойтись. Пусть ребята поработают над мерзавцем пару часов, а утром он нанесет визит этому Кириллу.

Сергей поднялся по лестнице, тихо вошел в спальню. Жена лежала в кровати и притворялась, что спит: не хотела объясняться. Глупенькая, да разве он посмел бы сейчас приставать к ней с расспросами? Во-первых, она еще недостаточно окрепла. А во-вторых, всю информацию он и так вскоре получит от ее друга.

Велецкий сел рядом, осторожно провел ладонью по разметавшимся по подушке волосам. Вот так иногда думаешь, что знаешь свою вторую половину вдоль и поперек, а она тебе раз – и подбрасывает сюрприз, которого не ожидаешь. И как на это реагировать – непонятно.

Несколько минут Сергей сидел, задумчиво глядя на Ольгу, затем тихо встал и вышел на террасу, плотно притворив за собой дверь. Светать начнет еще не скоро, над поселком застыла темная ночь. Воздух был морозен и чист, небо прозрачно, и на его темно-синем фоне летели рваные куски сизого дыма – где-то неподалеку топили камин. Это был особенный запах. Так пахла идеальная зима. Велецкий закрыл глаза и втянул носом колкий холод. Он почти слышал, как весело потрескивают дрова под оранжевыми языками пламени и кто-то мягко ступает по полу в шерстяных носках... Сергей с детства мечтал жить в большом деревенском доме. Пожалуй, это была его главная мечта. Она осуществилась более двадцати лет назад, но он по-прежнему испытывал болезненное упоение каждый раз, переступая порог своего жилища.

Сергей открыл глаза. Ему почудилось, что у ворот скрипнул снег, будто кто-то перелез через забор и спрыгнул в жесткий сугроб. Он внимательно оглядел двор, освещаемый тусклыми фонарями, но не заметил ничего подозрительного. Последние сутки выдались напряженными – немудрено, что мерещится всякое. Стоило вздремнуть хотя бы несколько часов, чтобы утром с новыми силами приступить к расспросам ушлепка. К тому моменту он станет более разговорчивым. Велецкий невольно поежился, представив, что сейчас делают с пленником, и поспешно вошел в спальню.

Сначала Кириллу было любопытно. Он не задавался целью позлить двоих амбалов, настроенных весьма враждебно, – он улыбался искренне, как ребенок, вовлеченный в новую, непонятную игру. Но когда его начали избивать – серьезно, методично, стараясь причинить как можно больше боли, – любопытство улетучилось. Его сменило недоумение, а затем злость. Чего от него хотят? Он сказал все, что знал. Вот тебе и новая прекрасная жизнь! Такого развития событий анонимный доброжелатель наверняка не предполагал.

Кирилл сплюнул кровь, наполнившую рот, чувствуя, как тяжелеет голова, а тело наполняется неприятной гудящей дрожью. Стало действительно больно. Черт! Избивать связанного – невеликое геройство. Неужели им самим не противно? Он попытался что-то сказать, но разбитые губы лишь дрогнули в подобии улыбки. Это окончательно распалило мучителей, и они принялись наносить удары с пущим остервенением, без разбора, куда попало.

Кирилл уже терял сознание, когда услышал чей-то приветливый голос:

– Здорово! Вы, ребята, отдохните. Теперь я им займусь.

Двое оторвались от жертвы и повернулись к неожиданному гостю. Воспользовавшись их коротким замешательством, незнакомец ринулся вперед и провел серию мощных ударов, за считанные секунды вырубив противников. Проворно отволоч их в холодную сауну – силищи ему было не занимать – и запер внутри.

Кирилл внимательно следил за его передвижениями, напряженно ожидая дальнейших действий. Боль мешала сосредоточиться, но все-таки он хорошо рассмотрел своего спасителя. Выглядел тот устрашающе: высокий, плотный, широкоплечий – один в один богатырь из русской сказки. Разве что без бороды и доспехов.

– Извини, старик, припозднился. Потерпи, сейчас вытащим тебя отсюда, – обратился к нему незнакомец, разрезая путы на руках и ногах. Подхватил его, перевалив на плечо, и поволок к выходу. Идти самостоятельно Кирилл вряд ли бы смог.

Глава 2

Змейка сидела на стуле, сложив ноги по-турецки, и пила чай с конфетами, которые сама же и принесла. На ней был пуховый вязаный свитер удивительной голубизны, такой чистый насыщенный цвет – большая редкость. И ведь специально, поди, его раздобыла. Егор улыбнулся. Они знакомы каких-то пару недель, а такое впечатление, что минуло два года. Странно, что Змейка до сих пор не исчезла. Обычно хорошие люди в жизни Егора не задерживались. Такая у него, видать, судьба.

– Чего скалишься? – девушка смачно хрустнула конфетой и сделала большой глоток чая, глядя на собеседника поверх чашки.

– Ничего. Просто вспомнилась наша встреча.

Подруга широко улыбнулась, и ее веснушчатое лицо стало еще выразительнее:

– Да, я тебя сразу заметила. Иду себе по переходу метро, думаю о своем. Гляжу, стоит у стены нечто печальное, за сердце держится. Ясное дело, я сразу подлетела: мало ли что с человеком? Вдруг помощь нужна?

Егор окинул Змейку благодарным взглядом и промолчал. Ему действительно нужна была помощь, но на тот момент он давно перестал о ней мечтать, смирившись со своей участью. Так уж получилось, что он родился не самым удачливым человеком, правда, понимание этого факта пришло к нему не сразу. Первое время Егор бодро шагал по жизни, не страшась никаких препятствий на пути. Искренне верил, что проблем у него не больше, чем у остальных людей, и лишь от него одного зависит, поддаться грусти или перебирать лапками, пока не получится масло. Да. Верил он в это долго. Но любая вера гаснет, если хотя бы изредка не подпитывается доказательствами. Когда год за годом тянется темная полоса, все благие начинания обрываются мгновенно и жестоко и просвета впереди не видно – поневоле начнешь унывать. Пожалуй, Егор продержался даже дольше, чем можно было ожидать. Надежда истончалась, как осенняя паутинка, пока не порвалась под порывом особенно злого ветра.

Он ничего не добился к двадцати пяти годам. У него не было ни родных, ни друзей. Если и удавалось с кем-то сблизиться, то ненадолго: людей отталкивала меланхоличность нового знакомого. Они отдалялись на безопасное расстояние, а то и вовсе исчезали с горизонта. Постоянной работы у Егора не было, в наследство от матери ему досталось хилое здоровье, от хворого сотрудника избавлялись довольно быстро. Он с трудом наскребал денег на оплату съемной комнаты. Но, видит бог, до последнего не сдавался. И даже когда совсем утратил надежду, предпринял последнюю попытку вырваться из болота.

Егор хорошо помнил тот день. Впервые за долгие месяцы он проснулся в приподнятом настроении. Собеседование, назначенное на этот день, обещало быть интересным и, может быть (Егор не исключал такой возможности), успешным. Некоторое время назад, изучая сайты в поисках работы, он наткнулся на объявление, от которого у него перехватило дыхание. Специализированная гимназия искала мастера резьбы по дереву для факультативных занятий с учениками. Парень подскочил со стула и долго не решался заново перечитать сообщение о вакансии.

Егор получил какое-никакое образование, но надо признать: единственное, что он знал и умел действительно хорошо, – это работать по дереву. Никто его этому не учил. Он с детства собирал деревяшки и что-то из них выпиливал, вырезал. Сначала простые фигурки, потом освоил более сложную технику и переключился на изящные статуэтки и необычные предметы мебели.

Его первая табуретка – сказочная, словно сотканная из кружева, – до сих пор стояла у кровати. Провозился с ней он тогда немало, процесс был трудоемкий: заготовки на циркулярке нарезать, простругать детали до нужных размеров, выдолбить пазы, вырезать шипы, соединить,

отделать... А в самом конце стало так обидно – обнаружил трещину на ножке. Изрядно понервничал, пока отремонтировал. Готовую табуретку покрыл восковой мастикой, слегка состарил мелкой шкуркой, нанес светотени. Хороша получилась дубовая табуретка. Такую с пятого этажа выкини – не разобьется. Когда закончил работу, не мог налюбоваться – так гордился. Но даже похвастаться было некому.

Мечтать Егор избегал, чтобы не причинять себе дополнительной боли. Но нет-нет, а порой возникала перед глазами чудесная картина: чистый светлый класс, пытливые глаза учеников, и он, Егор Аркадьевич, стоит перед ними, объясняет, как из скучной деревяшки сотворить чудо расчудесное. Эх, была не была! Он позвонил по указанному в объявлении телефону. А через пятнадцать минут едва не прыгал от радости. Его позвали на собеседование, велел прихватить несколько собственных изделий.

Даже погода в день встречи с работодателем выдалась необычайно приветливая. Апрельское солнце светило по-летнему ярко, в форточку врывался теплый ветер. За неимением строгого костюма Егор надел джинсы и чистую рубашку, аккуратно положил в пакет лучшие статуэтки, а также инструменты и деревянный брусок – на случай, если попросят продемонстрировать свое умение, и покинул жилище.

На место приехал за полтора часа. Появиться раньше положенного срока постеснялся, наматывал круги вокруг здания гимназии. Наблюдая за суетливой детворой, представлял, как каждое утро будет с гордостью пересекать школьный двор, – не безработный неудачник, а счастливый учитель. Кому-то должность обычного педагога показалась бы заурядной, но только не Егору.

Без пяти два, собравшись с духом, он поднялся на крыльцо, объяснил охраннику, кто он и зачем пожаловал. Миловидная женщина в ослепительно-белой, безупречно выглаженной блузке и строгой синей юбке проводила его в кабинет директора. Тут-то сердце Егора и ухнуло. Следующие несколько минут он говорил на автомате, словно сознание не участвовало в процессе.

– Не волнуйтесь вы так, – директор доверительно улыбнулся и откинулся в кресле. – Судя по всему, руки у вас золотые. А то, что нет педагогического образования, – так знаете, иной раз оно только вредит. Чтобы найти общий язык с детьми, должно быть внутри что-то, помимо академических знаний, понимаете? Вот здесь должно быть, – и он похлопал себя по груди. – Дети это чувствуют.

Егор после его слов мгновенно расслабился. Как будто вдруг понял, что бояться ему нечего, что он именно тот, кто здесь нужен. Это было необычное, очень приятное ощущение: он едва не зажмурился от удовольствия.

– А знаете что? Давайте я вам проведу экскурсию по гимназии? Чтобы вы прониклись, так сказать. Это ведь не одностороннее собеседование. Изучают не только вас, но и вы – потенциальное место работы. Симпатия должна быть взаимной. – Директор встал и открыл дверь, приглашая следовать за ним.

Много интервью было в жизни Егора, но то, что происходило в гимназии, напоминало скорее волшебный сон, в который верилось с трудом. Разве могло в одном месте быть столько достоинств? Егор не отрицал вероятность существования подобной утопии, но чтобы он сам стал ее частью – это было из ряда фантастики. Когда директор заявил, что с понедельника Егор может приступать к работе, парень только глупо улыбнулся и кивнул.

До самого вечера он гулял по городу, задыхаясь от восторга. Вот ведь как бывает! Он почти отчаялся, почти уверовал в то, что не достоин счастья. Сколько раз он молил небо послать ему хотя бы ничтожный знак. Он бы разглядел его. Непременно разглядел. Но небо молчало, неудачи сыпались одна за другой, и сложно было противостоять их враждебному напору. Воистину в самый темный час загораются самые яркие звезды. Егор получил шанс, о котором не смел даже мечтать. На долю секунды сердце сдавил холодный колючий страх: а

вдруг случится что-то непредвиденное? Нет. Ничего ужасного не произойдет. Никогда прежде Егор не был так уверен в своих силах. Попадись ему в тот момент зеркало, он удивился бы своему отражению. Он словно бы вырос, возмужал. Плечи расправились, шаг стал тверже.

Наступила ночь, а Егор все бродил по улицам, не ведая усталости. Начал накрапывать дождик, добавил умиротворения суетливому городу. Домой Егор решил добраться пешком – до него всего час быстрым шагом. Парень остановился у пешеходного перехода, ожидая, когда загорится зеленый. Мокрый асфальт вспыхивал под фарами проезжающих автомобилей и гас, растворяясь в хмуром сумраке. Похолодало. Егор застегнул куртку. Когда зажегся зеленый сигнал светофора, двинулся вперед. А дальше – резкая боль. И темнота...

– Ты сегодня чрезмерно задумчивый, – недовольно заметила Змейка, разминая затекшие ноги.

– Я всегда такой, – отозвался Егор.

– Не перестаю этому удивляться. Хочешь еще чаю? – девушка налила из крана воды и включила чайник.

– Нет, спасибо. Не хочется.

– А чего тебе хочется, скажи? – Змейка села напротив, явно намереваясь добиться ответа.

– Ничего не хочу.

– Так не бывает.

Парень вздохнул. Еще как бывает. Что бы там ни говорили о безграничных ресурсах воли, любой человек имеет предел. Как объяснить подруге, что своего предела он уже достиг? Не поймет. Опять начнет знакомую песню про позитивное мышление. Не хотелось обижать Змейку: она так верила в свои слова, с таким трепетом их проповедовала. Только Егору уже ничего не поможет. Он сдался. И не было в этом пафосного трагизма – всего лишь принятие жизни такой, какая она есть – со всеми победами и поражениями. Он устал бороться. Борьба хороша, когда победа вероятна. Если же печальный исход дела предопределен, даже стойкий воин сложит оружие. Воином Егор никогда не являлся, и все же сражался до последнего. Пока что-то не щелкнуло внутри...

Боль разливалась по телу кипящей волной. Он лежал на чем-то твердом – таком твердом, что ломило кости, – и медленно плавился. Жар заполнял каждую клетку, иссушая все мысли, кроме одной: горячо, как же горячо, пожалуйста, кто-нибудь, помогите! Но никто не приходил на помощь. Егор собрал последние силы и закричал. Он кричал так, словно умирает. Потому что он действительно умирал.

Очнулся он уже в больнице. С многочисленными переломами и сотрясением мозга. Первые несколько дней ничего не соображал, напичканный обезболивающими. Лежал в общей палате, где было шумно и душно и без конца раздавались чьи-то громкие стоны. В те редкие моменты, когда сознание возвращалось, Егор маялся от тревожного предчувствия. Ему казалось, что он забыл нечто важное. Напрягал память, пока голова не начинала раскалываться, но так ничего и не вспоминал. Беспокойство росло и крепло, пока не превратилось в сущий кошмар. Больной метался на кровати и бредил, заставляя нервничать молоденьких медсестер.

Память проявилась через неделю после аварии. Егор лежал в койке, разглядывая в окне унылую стену больничного корпуса, и внезапно понял, что ему не давало покоя. Несколько дней назад он должен был выйти на работу своей мечты. Но не вышел. И даже не позвонил с объяснениями.

Сейчас Егор уже без содрогания оглядывался на тот кошмарный период. Когда сломаться, перестаешь чувствовать боль. Но тогда... Тогда он испытывал муку страшную. Как он только с ума не сошел!

Егор помнил минуту, когда окончательно опустил руки. Всего несколько фраз, итог судебного разбирательства. Адвокат ответчика повернул все таким образом, что виноватым получался Егор. Якобы он пытался покончить с собой и бросился под колеса. Даже свидетели

нашлись, целых трое. Все как один твердили заученную ложь. Егора раздавили не только физически, но и морально. Он сделал последний шаг и переступил черту, за которой начиналось отчаяние. Он больше не собирался тягаться с миром. Мир был сильнее.

Удивительно, но едва Егор признал свое поражение, ему стало легче. После чудовищного напряжения это казалось почти блаженством.

Однажды в больницу явился виновник аварии. Должно быть, его терзало раскаяние: он приходил с завидной регулярностью, приносил продукты и даже выхлопотал для него отдельную палату. Егор безучастно следил за ним, не испытывая ни обиды, ни злости. Лелеял новорожденное равнодушие бережно и самозабвенно...

– Не бывает так, чтобы человек ничего не хотел, – повторила Змейка. – Это лицемерие. Желания есть всегда. Чего ты хочешь?

Егор вздохнул:

– Надеешься, что мой ответ изменится, если ты несколько раз задашь один и тот же вопрос?

– Надеюсь, что ты хотя бы задумаешься.

– Зачем? С моей жизнью все ясно.

Девушка всплеснула руками, подняла глаза к потолку.

– Ничего никогда не ясно ни с чьей жизнью! Ты повесил на себя ярлык неудачника и упорно следуешь ему. Ладно, бог с тобой. Если тебе нравится придумывать себе амплуа и придерживаться его, почему бы не заменить теперешнее на что-то более привлекательное?

Егор внимательно смотрел на Змейку, и в груди разливалось теплое, трогательное чувство. Необычная она девушка. Иной раз глянешь на человека – и сразу все о нем понимаешь. А порой – смотри не смотри – ничего не поймешь. Змейка была худенькая, росточку небольшого, одевалась как подросток. Лицо ясное, юное – в первые минуты знакомства Егор дал ей не больше восемнадцати. Однако теперь подозревал, что подруга куда старше, чем кажется. На вопрос о возрасте Змейка загадочно улыбалась. В такие моменты Егор был готов поклясться, что ей все тридцать.

Почему она от него не отступалась? Вела себя так, словно ей действительно интересно. Собеседник из него никудышный, герой-любовник и подавно. Что заставляет эту странную девчонку набирать его номер и требовать встреч? Может, у нее хобби такое – выискивать в толпе юродивого и направлять его на путь истинный? Чем не развлечение? Если так, то Змейку ждет разочарование. Спасти его, Егора, не получится. Просто потому, что его не от чего спасать. Да, он не создает впечатления весельчака, ну так темпераменты у людей разные. Егор не мучился от депрессии, не страдал от низкой самооценки, не планировал самоубийства. Он просто реально смотрел на вещи. А Змейка стремилась нацепить ему на нос розовые очки.

– Почему ты никогда не рассказываешь о себе? – прервал Егор ее философствования. – Так и не откроешь свое настоящее имя?

– А чем тебе Змейка не нравится? Видишь, я и свитер подобрала подходящего цвета, чтобы имени соответствовать, – рассмеялась собеседница.

– Да, я заметил.

В день, когда они встретились, Егор спустился в метро с особой целью. Встал у стены, собираясь с духом, но никак не мог решиться. От волнения кружилась голова, виски намokли от липкого пота. Когда от толпы, спешащей на поезд, отделилась маленькая голубая фигурка, парень подумал, что у него галлюцинации. Слишком волшебным было видение. Будто находился Егор не в гулком душном подземелье, а на зеленом лугу. Солнце ярко светило, птицы пели, листья весело шумели под ласковым ветром. И вдалеке с горки шагала – не шагала, катилась – не катилась, а словно летела над землей крошечная голубая змейка. Та самая, из сказки Бажова.

На несколько секунд Егор выпал из реальности. Когда веснушчатая девушка в голубой куртке тронула его за рукав и спросила, не нужна ли ему помощь, он оторопел от неожиданности: надо же, она говорит человеческим голосом! Сейчас поди насыплет золотого песку и предложит взять, сколько его душе угодно. Вероятно, выглядел он невменяемым, девушка схватила его за руку и потащила к выходу.

На свежем воздухе Егор оклемался и так застыдился, что сдуру рассказал о своем видении. Новая знакомая прыснула со смеху и заявила, что в таком случае будет именоваться Змейкой. И никак иначе.

Вечером того дня Егор долго не мог уснуть. Случайное знакомство не выходило из головы. Парень чувствовал, что этот эпизод каким-то образом изменил траекторию его жизни. Повернул ее едва заметно на ничтожные полградуса – сперва и не заметишь отклонения. Лишь с течением времени станет явственной произошедшая перемена. С этими мыслями он и отключился. А когда проснулся, наваждение исчезло. Интуиция снова молчала, и вчерашние фантазии казались нелепыми и незрелыми...

Змейка посмотрела на часы и поднялась со стула:

– Уже поздно. Засиделась я у тебя. Видишь, какие бывают наглые гости. Нет, я бы еще, конечно, осталась, если бы ты пообещал признаться в своих желаниях. Но ты ведь не признаешься, да? – она заметила его кислую улыбку и добавила: – Так я и думала. Ну, ничего, когда-нибудь созрешь.

Как обычно, Егор предложил Змейке проводить ее до дома, и она, как обычно, отказалась. Когда за ней захлопнулась входная дверь, он подошел к окну и долго смотрел, как падает снег. Крупные невесомые хлопья медленно парили в воздухе; порой чудилось, что они вовсе не падают, а поднимаются к небу, игнорируя закон всемирного тяготения. Егор соврал. У него было одно желание. Он хотел, чтобы той аварии никогда не происходило...

Глава 3

Велецкий редко позволял себе орать на подчиненных. Но сегодня утром не сдержался, дал волю гневу. Как два профессионала могли упустить полуживую жертву? Телохранители якобы подумали, будто неизвестный мужчина – новый охранник, поэтому не отреагировали мгновенно и в итоге за это поплатились. А когда пришли в сознание и вышибли припертую стулом дверь сауны, незнакомца и след простыл. А вместе с ним – и пленника.

Велецкий негодовал. Телохранителей он нанял в одном из лучших охранных агентств города, и слабо верилось, что эти двое не устояли против одного противника. Это же реальный мир, а не съемочная площадка корейского боевика. Никому нельзя доверять, мать твою. Хочешь сделать хорошо – сделай сам.

– Вы остаетесь дома, смотрите за Ольгой. Одну ее не оставлять, чуть что – сразу докладывать мне, – приказал Сергей, натягивая на ходу пальто. – А я постараюсь выяснить личность нашего ниндзя.

Слабая надежда, но все-таки есть. На трассе у поворота в поселок стоит камера ДПС. Ее назначение – фиксировать превышение скоростного режима. Камера записывает все транспортные средства на этом участке дороги. Если кое с кем договориться, можно просмотреть запись за нынешнюю ночь. Примерное время Велецкий знал, в четыре утра машин немного, есть шанс быстро вычислить объект.

Садясь в автомобиль, Сергей поднял глаза на окна второго этажа – Ольга стояла за занавеской и наблюдала. «Прячется, как пугливая кошка», – подумал он и улыбнулся. Нужно поскорее разобраться в ситуации, получить достоверную информацию, чтобы понять, как вести себя с женой.

Когда супруг уехал, Ольга Велецкая отошла от окна и села на кровать. В теле ощущалась слабость, руки подрагивали, но голова соображала предельно ясно. Впрочем, трезвость ума не уменьшала растерянность, которую испытывала женщина. Еще недавно она точно знала, чего хочет и как этого добиться. И ведь добилась бы, не вмешайся муж. Обычно он не приезжал домой без предварительного звонка, и вдруг явился в самый неподходящий момент. Случайность? Провидение?

Когда Велецкая поняла, что план не удался, ее первой реакцией были слезы. Они текли нескончаемым потоком, и Ольга сама не понимала, чего больше в ее рыданиях: сожаления или радости. Она не плакала долгие годы и теперь с удивлением обнаруживала странное удовольствие в своей непривычной истерике. Сотни эмоций роились в сердце: оживали почти забытые, рождались невиданные прежде; бурлили, смешивались, провоцируя новые слезы. Велецкая чувствовала, что не просто выжила. Нет, здесь нечто другое. Она начала жить заново.

Ольга посмотрела на свои забинтованные руки. «Шрамы останутся, жаль», – подумала она и удивилась собственной реакции. Двое суток назад она хладнокровно резала вены, надеясь никогда не проснуться, а теперь расстраивается из-за того, что руки утратили прежний лоск.

Остро захотелось посмотреть на себя. Она покинула свою комнату и спустилась в гостиную с зеркальной стеной. Долго вглядывалась в отражение, с каждой секундой поражаясь все сильнее. Как это раньше она не замечала собственной красоты? Знала, конечно, что привлекательна, но не осознавала, насколько. Приспустила шелковый халат, обнажив плечи. Ни единого недостатка. Ольга ощутила внезапный, одуряющий восторг. Ведь она может свести с ума любого мужчину, если этого захочет.

– Скажи, я тебе нравлюсь? – Велецкая повернулась к охраннику, который ошивался в прихожей, делая вид, что чем-то занят. Ольга понимала, что муж позаботился о том, чтобы не оставлять без присмотра незадачливую женушку.

– Простите? Это вы мне? – не понял Николай. За два года службы госпожа Велецкая впервые обратилась к нему.

– Да, тебе. Разве тут есть кто-то еще? Твой коллега наверху. Я заметила его, когда вышла из спальни. – Ольга откинула волосы, упавшие на грудь. – Так я тебе нравлюсь?

Николай замялся, не зная, что ответить.

– Я хочу понять, считаешь ли ты меня красивой.

– Вы ставите меня в неловкое положение, – выдавил охранник, бросив затравленный взгляд на лестницу, будто звал на помощь своего напарника.

– Ответь, и я отстану, ладно?

Николай переступил с ноги на ногу, пытаясь скрыть смятение. Потом решился и, неловко улыбаясь, произнес:

– Вы привлекательны, это отрицать глупо.

Велецкая расцвела и закружилась на месте, приводя мужчину в еще большее смятение. Потанцевала, напевая себе под нос, рассмеялась и рухнула в кресло.

Несмотря ни на что, ей удалось отомстить. Семнадцать лет она хранила страшную тайну и даже не надеялась, что однажды сможет избавиться от ее полуистлевшего трупa. Если подумать – настоящая мистика. Встретить возле собственного дома мужчину, поломавшего тебе всю жизнь, познакомиться с ним заново, ибо по какой-то причине он не помнил даже своего имени, увлечь его, влюбить в себя, испытав при этом щемящее удовлетворение, и предать его так же, как он ее когда-то. Ольга искренне хотела умереть вместе с ним. Но у судьбы оказались другие планы. И теперь, сидя в кресле, живая и невредимая, она не сильно расстраивалась неожиданному повороту. И даже всерьез подумывала о том, что, возможно, все произошло к лучшему.

Она поспешила с решением уйти из жизни. Сергей по-прежнему любит ее – трепетно, самозабвенно. Оставить его одного было бы очень жестоко. Ольга поддалась искушению и сделала шаг туда, откуда редко возвращаются. Это был чудесный, вдохновляющий момент слабости, она будет помнить о нем до тех пор, пока не решит повторить попытку и уйдет уже навсегда. Но сейчас она будет жить. И причиной тому не только проснувшееся желание уберечь от боли супруга и детей. Впервые за долгие годы Ольга почувствовала, что привычное равнодушие ослабляет хватку, и в ней зарождается легкое, едва уловимое любопытство.

Громко зазвонил телефон. Ольга взяла трубку.

– Оленька, ты в порядке ли? – спросил муж.

– Тебе уже пожаловались на мое неадекватное поведение?

– Отчего же пожаловались? Доложили по уставу. Так что с тобой? – Велецкий старался говорить беспечно, но голос выдавал тревогу.

– Я не наделаю глупостей, не бойся, – заверила его Ольга.

– Хорошо. Я с детьми разговаривал, через пару минут дочь тебе позвонит. Надеюсь, ты согласишься, что им лучше не знать об инциденте?

– Конечно.

– Вот и славно, умница моя. Не скучай. Я скоро приеду.

Приехал Сергей поздно вечером. Уволок жену в спальню, уложил в кровать и тоже лег. Спать Ольге не хотелось, но она подчинилась, понимая, как трудно супругу сдерживать себя и не задавать вопросов. Она давно знала, что вышла замуж за достойного человека. Но лишь сейчас в полной мере это прочувствовала. Сергей молчал и гладил ее волосы, успокаивая, расслабляя. Ольга растворялась в этой умиротворяющей нежности, не замечая, что сильные пальцы мужа мелко дрожат, а дыхание сбивается...

Велецкая догадывалась, что из больницы Кирилла привезли сюда и заперли в подвальном помещении. Она кожей ощущала его близость. Когда долго кого-то любишь, учишься чувствовать его через стены. Кирилл не кричал, но она слышала его боль. Закрывала уши, закутыва-

лась в одеяло с головой, но немой крик проникал сквозь преграды. Ольга могла его спасти. И даже спустилась по лестнице, но остановилась на последней ступени. Картинка из прошлого мелькнула перед глазами, оживив жуткие воспоминания. На мгновение Ольга вновь ощутила себя беззащитной жертвой, игрушкой пьяных мужчин. Дыхание перехватило, она вцепилась в перила, чтобы не упасть. А потом быстро поднялась наверх и уже не выходила из своей комнаты.

Вчера, улегшись в постель, Сергей долго ворочался, прежде чем заснул. Ольга села на кровати, ей почудилось, что состояние Кирилла изменилось. Она осторожно встала и подошла к окну. Всматривалась в тоскливые сумерки, пока не заметила темную фигуру, пересекавшую двор. Вернее, фигур было две: один человек тащил на себе другого, спотыкаясь под тяжелой ношей. У калитки замешкался, поудобнее перехватив Кирилла (а это был именно он), и скрылся из виду. Спустя минуту темную дорогу осветили галогенные фары, и машина рванула к выезду из поселка.

Непонятные чувства одолевали Ольгу. Она никак не могла осознать собственное отношение к случившемуся. Кирилл заслуживал наказания и при этом за минувшие сутки был дважды спасен. У кого-то на небесах есть планы на его счет? Будить мужа Велецкая не стала. Еще, чего доброго, он догонит беглецов. Пусть лучше все идет так, как идет...

Рука Сергея дрогнула. Ольга выбралась из его объятий, повернулась к нему и прошептала:

– Прости меня.

– Это ты прости меня, – откликнулся муж. – За то, что не сразу заметил твое состояние.

– Я не изменяла тебе. Ничего не было.

– Это неважно, Оленька, – Сергей привлек жену к себе, надеясь, что она не услышала вздоха облегчения, вырвавшегося из его груди.

– Ты сможешь об этом забыть? – спросила Ольга, уткнувшись носом в его волосатую грудь.

– Уже забыл.

– И не потребуешь объяснений?

– Не потребую. Спи, маленькая.

Если бы Ольга увидела лицо Сергея, то поразилась бы жесткому, холодному выражению его глаз. Это был взгляд диктатора, подписавшего расстрельные списки...

Сегодняшний день прошел не впустую. Полезно иметь тугой кошелек и знакомства в органах. Велецкий усмехнулся, повторив про себя имя неожиданного гостя, вломившегося в дом. «Что ж, Максим Григорьевич, разберемся, что вы такое и с чем вас едят... И главное – как вы связаны с событиями, случившимися под крышей моего жилища», – Сергей поправил подушку и натянул одеяло повыше. В комнате было прохладно.

Глава 4

– Первую помощь вашему другу мы оказали. По-хорошему, ему бы пару дней полежать в больнице под наблюдением. Но он разнервничался, заявил, что не намерен здесь оставаться, – молодой доктор выразительно посмотрел на собеседника. – Пришлось вколоть ему успокоительное. По крайней мере, этот день он проведет под присмотром врачей, отоспится, а вечером вы уж сами с ним разбирайтесь. В полицию я не сообщил, хотя должен был... Исходя из характера травм...

Максим понимающе кивнул и пожал врачу руку, оставив в его ладони щедрое вознаграждение.

– Я могу остаться в палате?

– Можете. Но на вашем месте я бы занялся другими делами. До вечера ваш друг все равно не проснется. А теперь, извините, я должен идти. Меня ждут другие пациенты.

Максим проводил врача задумчивым взглядом и тяжело опустил на обтянутую дерматином лавку. У него имелось несколько часов, чтобы придумать, как действовать дальше. Разве мог он представить, будучи мальчишкой, что дружба, которая так его радовала, однажды обернется настоящей трагедией?

Их было четверо: Макс, Джекил, Глеб и Лиза. Обычная компания с необычным хобби. Время от времени каждый из них озвучивал свое желание, и друзья помогали его осуществить. Большинство их желаний нельзя было назвать благородными, ну так никто из друзей и не метил в Иисусики, как говаривала Лизка. Живем один раз, и получить хочется по максимуму. Тут уж не до нравственности.

Нельзя сказать, что Макс был напрочь лишен морали. Когда погибла его любовница (друзья планировали легкую аварию, чтобы спровоцировать выкидыш, но перестарались), он искренне переживал. Однако справился быстро. Сделанного не воротишь. Незачем портить свою жизнь бестолковым раскаянием. Стыд не добродетель, а вина не благо. Макс решил жить, не оглядываясь назад, и почти не отступал от этого правила.

Убийство Лизкиного мужа Макса почти не тронуло, а где-то даже порадовало. Ублюдок заслуживал смерти. Жаль, что пострадал невинный человек – водитель кинулся спасать хозяина. Спасти не спас, а сам погиб. Оставили бы его в живых – подставились бы. Добровольное самопожертвование в планы друзей не входило. Пришлось пристрелить свидетеля...

Самая удивительная идея посетила Джекила. Что немудрено с его-то профессией. Копаясь в голове у психов, и сам становишься безумцем. Макс, как сейчас, помнил: они собрались в ресторане, Лизка беспрерывно курила, Глеб не скрывал плохого настроения и постоянно нарывался на конфликт, Джеки сыпал заумными фразами, пока Макс не попросил его выражаться проще.

Друг сообщил, что намерен поэкспериментировать с памятью, при помощи гипноза стереть у человека информацию о прошлом. Требовался подходящий кандидат. Желание было таким необычным, что все развеселились. Все, кроме Глеба. Он долго молчал, не реагируя на шутки, а потом произнес проповедь. Сначала к Максусу прицепился, потом к Лизке. Дошло до мордобоя. Нехорошо все тогда закончилось. Но то, что случилось потом, было и вовсе за гранью.

Макс до сих пор не верил, что Глеб по собственной воле вписался в тот злосчастный эксперимент. Видел доказательство своими глазами – вот оно, в палате лежит – и все равно не верил. Каким-то образом Глебу удалось убедить Джека лишить его памяти. Макс выступал против громче всех, но в итоге смирился, поняв, что иначе Глеб совершит самоубийство – слишком тяжело переносил потерю жены и родного брата. Нелегко далось Максусу это решение.

Глеб был его лучшим другом. Так не хотелось его терять! Но не держать же его взаперти. У каждого своя голова на плечах. К сожалению.

После процедуры предполагалось отвезти Глеба на заранее подготовленную квартиру с видеонаблюдением. Так Джекилу было бы легче контролировать процесс адаптации пациента. Глеб согласился с разумностью этой идеи, однако накануне эксперимента попросил Макса об услуге.

– Я не хочу быть хомячком в стеклянной банке, – объяснял он товарищу. – Я не собираюсь пропадать из виду. Всего лишь хочу какое-то время побыть наедине с собой, чтобы меня не разглядывали под лупой. Понимаешь? Я сниму другую квартиру, о которой будешь знать только ты. Забросишь меня туда и оставишь одного. Дашь мне пару недель свободы, а потом можешь сообщать Джеку. Пусть начинает свой патронаж.

Макс долго не соглашался: сама мысль о том, что вскоре от его лучшего друга останется лишь физическая оболочка, лишенная опыта прошлого, вызывала у него рвотный рефлекс. А тут еще дополнительное беспокойство: оставить его, беспамятного, на произвол судьбы?

– Нет, старик, извини, но это уже перебор, – отнекивался Макс. – Я утешался тем, что ты не останешься в одиночестве. Джекил не даст тебе наделать глупостей, да и я тоже. А ты лишаешь меня этой возможности. Нездоровая позиция. Нет, так дело не пойдет.

Они брели по ночному городу, погруженные в тягостные раздумья, не замечая ледяного ветра, бьющего в лицо. Глеб говорил и говорил и, похоже, не собирался сдаваться, пока не вырвет у товарища обещание помочь. Макс понимал, что поступает неправильно, но все-таки поддался на его уговоры. Было бы подлостью отказать другу в последней просьбе.

Он все сделал как надо. Каких усилий это ему стоило – лучше не вспоминать. Пришлось солгать Джеку и Лизе. Никогда прежде Макс не врал друзьям. Но подвести Глеба не мог. Слово нужно держать. С тяжелым сердцем покидал он товарища в незнакомой квартире в одном из унылых спальных районов города. Выйдя на улицу, он долго не садился в машину – размышлял о правильности своего поступка, колебался. Наконец решился. Завел двигатель и умчался прочь, подальше от искушения.

Макс ожидал, что Джек позвонит сразу же, не обнаружив Глеба в условленном месте. Однако прошли сутки, а тот не объявлялся. Макс перевел дыхание: он до сих пор не придумал, как оправдаться в глазах товарищей. День сменялся вечером, ночь – утром, но никто его не тревожил. На пятые сутки он всерьез заволновался.

Почему Джек молчит? У него из-под носа украли вожаемый опытный образец, а он ведет себя так, словно ничего не случилось. Где логика? Несколько минут Макс собирался с духом и набрал номер доктора Джекила. Тот трубку не взял ни через час, ни через десять. Позвонил Лизе: тот же результат. Вот это был действительно пугающий знак.

Выследить Джека ему не составило труда; да тот и не скрывался. Макс припарковался неподалеку от клиники, где работал товарищ, намереваясь проследить, куда он направится после работы. Ждать пришлось недолго. Джек покинул здание за пару часов до окончания рабочего дня и поехал в центр. Макс двинулся следом, не догадываясь, сколько сюрпризов готовит ему нынешний вечер.

Подъехал Джекил не абы куда, а к Лизкиному дому. Подруга вышла из подъезда – изда-лека Макс ее едва признал, она перекрасилась из брюнетки в рыжую. Запрыгнула в салон, и машина тронулась.

Путь их лежал в сторону области. Дорога порядком утомила преследователя: он находился в постоянном напряжении, стараясь держаться на таком расстоянии, чтобы и машину не упустить из виду, и себя не обнаружить. У въезда в какой-то поселок друзья остановились. Макс промчался мимо, развернулся и встал у обочины. Достал бинокль, настроил резкость и оторопел. В машину к Джеку садился Глеб.

Тут выдержка Макс изменила. Он ударил по газам, намереваясь догнать веселую троицу и потребовать объяснений. Однако не успел. Через пару-тройку километров Джекил остановился, высадил Глеба и уехал как ни в чем не бывало. Беспамятный друг исчез в ближайшем магазине, а спустя пять минут вновь появился. Закурил и пошагал по трассе обратно к поселку.

Макс проследил за ним до самого дома. Глеб поднялся на крыльцо большого коттеджа, отпер дверь и больше в тот вечер на улице не появлялся. Макс караулил всю ночь, но под утро сон сморил его... Проснулся за полдень от воя сирены. Возле соседнего дома стояли две машины «Скорой помощи». Четверо санитаров несли на носилках женщину и мужчину. Погрузили пациентов внутрь и тотчас уехали.

Макс сначала не придавал значения этому происшествию. Мало ли что у людей случилось. Ему сейчас не до чужих проблем. Со своими бы разобраться. Несколько минут сидел, задумчиво глядя перед собой. А потом чертыхнулся, пулей вылетел из машины и побежал к коттеджу, где жил Глеб. Дверь была открыта, а в доме никого.

Внезапная догадка заставила Макса выругаться. Вот кретин! А что, если это Глеба увезли на «Скорой»? Доказательств у него не имелось, но, учитывая странность ситуации, могло стать, что его подозрение верно. По крайней мере, проверить не мешает. Он завел двигатель и вырулил на дорогу. Пока разузнал адреса ближайших больниц, пока выяснил, куда доставили сегодня днем мужчину и женщину из этого поселка, пока добрался до места – наступил глубокий вечер. Макс вымотался, зверски проголодался и едва не метал молнии. А когда выяснил, что пациента, похожего на Глеба, недавно забрали из больницы и увезли в неизвестном направлении, чуть не разбил окошко регистратуры.

– Кто? Кто увез? – взревел он, до смерти напугав медсестру, сидевшую за стойкой.

– Простите, не кричите, пожалуйста, я сейчас посмотрю, – пробормотала она, зашуршав бланками. – Напомните, кем вы приходитесь пациенту?

Во взгляде Макса вспыхнула такая ярость, что девушка осеклась и замямлила:

– Простите. Вот, пожалуйста, кто доставил, тот и забрал, Велецкий С.

Не удостоив ее ответом и не поблагодарив за информацию, Макс бросился к выходу.

Он не понимал, что происходит, но чувствовал, что должен вмешаться. Неизвестно, что там задумали Джек и Лизка и как некто Велецкий связан с этим, он во всем разберется. Сперва нужно отыскать Глеба и спросить его самого.

Ночь перевалила за середину, когда автомобиль Макса тихо въехал в коттеджный поселок и остановился неподалеку от трехэтажного особняка. Не было гарантии, что Глеба привезли именно сюда, но с чего-то же надо начать. Макс прошел вдоль забора, подыскивая наиболее удобное место, чтобы перелезть. Свет в доме был погашен, лишь на первом этаже светилось одно окно. Прежде чем спрыгнуть в сугроб, Макс внимательно изучил двор – судя по всему, собак здесь не держали. Это облегчало задачу.

Добежав до крыльца, он присел, затаившись. Выждал пять минут, приблизился к двери и аккуратно повернул ручку. К его несказанной радости, дверь поддалась. Как непредусмотрительно со стороны хозяев. А если нехороший человек захочет залезть в жилище? Шагнул в коридор, стараясь ступать как можно тише. Прислушался. Никаких звуков, будто вымерли все. Первым делом он обследовал первый этаж. Все комнаты были пусты. Его внимание привлекла лестница, ведущая из кухни куда-то вниз. Обман слуха, или оттуда действительно доносится шум?

Макс осторожно спустился по ступенькам и замер у двери в подвал. Приложил ухо к гладкой поверхности дерева, но ничего не услышал. И тем не менее кто-то там однозначно находился. Макс всегда чувствовал опасность. Полезный инстинкт, не раз выручавший его во времена бурной молодости. Сердце пропустило удар. На мгновение он перестал дышать, а затем резко отворил дверь...

Поработали над Глебом не слабо: он едва держался на ногах, а по дороге в больницу пару раз терял сознание. Макс то и дело поглядывал на пассажира: дышит ли? И все-таки решил не рисковать и не везти друга в районную клинику. Дожал до города.

Врач сказал, что тяжкого вреда здоровью нет, угрозы для жизни и подавно. Макс посмотрел на часы. Глеб очухается часа через три, за это время, кровь из носу, нужно решить, как себя с ним вести. Как представиться и объяснить свое «героическое» вмешательство? Стоит ли сообщать Джеку? Даже посоветоваться не с кем! Лизка и та, сука, секреты завела, как ей теперь доверять? На пустой желудок соображалось туго.

– Эй, принцесса! – окликнул он проходившую мимо женщину в белом халате. – У вас тут поесть где-нибудь можно?

Кирилл с трудом приоткрыл глаза. Спать уже не хотелось, но состояние было вялое. Он повернул голову набок, оглядел помещение и неожиданно улыбнулся. За последние время это уже стало доброй традицией – приходить в себя в неизвестном месте и гадать, как он здесь очутился и что происходит. Сейчас для комплекта еще голоса не хватало, тоже незнакомого. Типа: «Проснулся? Не ответишь ли на мои вопросы?».

– Проснулся? – поинтересовался незнакомый голос.

Кирилл скосил глаза в сторону звука. Мужчина, тот самый, что вытащил его из подвала, сидел на стуле и сверлил его взглядом.

– Мы знакомы? – Кирилл приподнялся на кровати, подложил подушку под спину и сел.

– Видимо, нет. Я Максим. Лучше просто Макс, – мужчина протянул руку.

Смирнов ответил на рукопожатие.

– Кирилл.

– Правда, что ли? – собеседник удивленно хмыкнул.

– Какие-то проблемы с именем?

– Да нет, все путем. Кирилл значит Кирилл.

Повисла пауза.

– Как самочувствие? – прервал молчание Макс.

– Гораздо лучше благодаря тебе. Не объяснишь, в честь чего ты меня спас?

– Люблю иногда совершить доброе дело, – усмехнулся Макс и повел головой вправо-влево, хрустнув шеей. – А если серьезно, то история длинная. Твой похититель мне кое-чем насолил. И я решил ему отомстить. И тут подвернулся удачный случай. Такое объяснение тебя устраивает?

Кирилл пожал плечами:

– Лучше что-то, чем ничего. Будем считать, что устраивает.

Разумеется, он не поверил ни единому его слову. Новый знакомый что-то скрывал. Не просто так он ворвался в чужой дом, не просто так спас пленника, о котором, кстати, никто не знал, кроме мужа Ольги и его телохранителей. Есть у этого Макса свой интерес, не связанный с чувством мести. Ох и не нравилось Кириллу начало его новой жизни. Недели не прошло, а он уже влип в неприятности. Одна истеричка пыталась его убить, другой избивал, третий... Третий беспокоил Кирилла больше остальных. Ибо неясно, чего от него ожидать.

Макс видел, что друг не очень-то купился на его сказку. Глеб никогда не отличался доверчивостью, видимо, это врожденное и не утрачивается даже при амнезии. Но ничего умнее Макс придумать не смог. Он надеялся, что товарищ сам расскажет ему какие-никакие подробности своих злоключений.

Смешанные чувства он испытывал, глядя на Глеба. Они дружили с первого класса, через многое вместе прошли, а теперь должны заново узнавать друг друга. Внешность, интонации, реакции – все выдавало в сидящем на кровати человеке прежнего Глеба. И вместе с этим что-то неуловимо изменилось. Товарищ был искренен в своем неведении. Он считал, что видит

Макса впервые в жизни, и последнему, похоже, предстоит изрядно потрудиться, чтобы завоевать доверие нового Глеба.

– Ладно, пора отсюда убираться, – сказал пациент, опустив ноги на пол и ища глазами рубашку.

– Не рановато? Тебе вроде крепко досталось. А тут врачи под боком.

– Вот поэтому и пора сваливать. Не нравятся мне врачи, – Кирилл застегнул пуговицы и встал. От резкого движения в глазах потемнело, он привалился к стене и минуту стоял, не двигаясь. Полегчало.

– И куда ты пойдешь? В смысле, тебя подбросить куда-нибудь? Я на машине. – Макс неотрывно следил за товарищем, не одобряя его поспешности.

Кирилл похлопал по карманам брюк: банковская карта была на месте, в отличие от паспорта.

– Буду тебе весьма признателен, если ты меня выгрузишь у магазина одежды. Без теплой куртки я далеко не уйду.

Не хотелось Максиму отпускать друга, очень не хотелось. С таким трудом его отыскал и теперь снова теряет. Не удерживать же его силой...

Ехали молча. Макс не знал, что сказать, а Кирилл не видел смысла его расспрашивать: все равно правды ему никто не откроет. Возле торгового центра автомобиль остановился.

– На втором этаже первый справа магазин неплохой, – сообщил водитель.

– Ага, учту, – Кирилл открыл дверь и внезапно замер, что-то вспомнив. Повернулся к новому знакомому и натянуто улыбнулся. – Я тебя не поблагодарил. Спасибо. Я твой должник.

На мгновение Максиму показалось, что перед ним прежний Глеб, в здравом уме и твердой памяти. И не было страшной истории с гипнозом, и все по-старому в их дружной компании. Скоро позвонит Лизка, пригласит в ресторан поговорить за жизнь и обсудить дальнейшие планы. Джек принесет очередную книгу в подарок, и он, Макс, не удержится, чтобы не рассказать нелепый анекдот про психиатров. Вскоре подтянется Глеб, посетует, что снова начал курить, и они будут вспоминать смешные истории из прошлого. В полночь позвонит Надья, начнет орать, что не потерпит, что ее муж шляется по ночам неизвестно где...

– Еще раз спасибо, – повторил Кирилл и вышел из автомобиля. Быстро добежал до центрального входа и скрылся в торговом центре.

Куртку он купил первую попавшуюся, расплатился карточкой, вышел в холл и уселся на одной из многочисленных лавочек между горшками с искусственными деревьями. Потрогал лоб. Похоже, поднялась температура. Тело ломило, хотелось лечь прямо здесь, не обращая внимания на людей, и заснуть. Кирилл осознавал, что сейчас хорошо бы пораскинуть мозгами, обдумать свое положение и наметить дальнейшие планы. Но усталость не давала сосредоточиться, веки смыкались сами собой. На долю секунды он отключился. Резко помотал головой, сбрасывая сонливость. Нужно сделать последний рывок и найти гостиницу. А там уж он отдохнет.

Неимоверным усилием воли он поднялся на ноги и поплелся к эскалатору. В стеклянных вращавшихся дверях едва не упал, споткнувшись на ровном месте. Черт. Ему становилось реально хреново. На улице сделал несколько шагов и сел на корточки у стены здания, чтобы не упасть в обморок.

Стоял морозный декабрьский вечер, до Нового года оставалось три дня, люди торопились закупиться снедью и подарками. Прохожие спешили, поглощенные заботами о предстоящем празднике. Кирилл подумал, что если потеряет сознание, то так и замерзнет. Вряд ли кто-то кинется ему на помощь, приняв за пьяного бомжа.

– Слушай, старик. Давай-ка я тебя пристрою на ночь, а утром ты сам разберешься, куда двигать дальше, – безапелляционно заявил Макс, неожиданно возникнув рядом. У Кирилла

не было сил на споры. Он позволил дотащить себя до автомобиля и заснул, едва усевшись в пассажирское кресло.

Нужно было выкрикивать рекламный слоган веселым голосом, привлекая всеобщее внимание. Но после пятичасового стояния на морозе Егор едва находил силы, чтобы молча протягивать флаеры. Время от времени он забегал греться в торговый центр, но после уютного тепла вновь выходить на улицу было еще труднее. Поэтому количество перерывов Егор свел к минимуму, покидая свой пост, лишь когда переставал чувствовать пальцы рук и ног. Эта работа приносила мизерный, но постоянный доход. Жить на него было почти невозможно, и все-таки парень умудрялся и за комнату платить, и покупать какую-никакую еду. Спасибо, что его пока не уволили. Промоутер он никудышный.

Нарядный город сверкал иллюминацией – раньше Егору нравились эти праздничные разноцветные огни. Глядя на них, он думал о прекрасном будущем, о новых горизонтах, о простой и приятной жизни. Но неоновый свет больше его не гипнотизировал, не завораживал, утратив былую власть. Теперь Егор понимал, что между ним и сказочными огнями – пропасть непреодолимая. И сколь упорно ни строй воображаемый мост – не соединишь два полярных мира. У каждого своя роль, свое место. Немало времени ему понадобилось, чтобы осознать этот факт и оставить попытки прыгнуть выше своей головы. Ему выпала не самая завидная партия, но, вероятно, другую бы он не потянул. Так или иначе, оспаривать решение режиссера – пустое занятие.

Егор поморгал: от холодного ветра глаза слезились, а в носу щипало. Еще не хватало простудиться. Он с тоской посмотрел на мчавшиеся по дороге автомобили. В салонах тепло, играет музыка, и водителей непременно где-то ждут. Любопытно, хотя бы один из сотен и сотен сидящих за рулем людей понимает, насколько он счастлив?

В кармане куртки завибрировал телефон. Звонила Змейка.

– Ты где? Все там же? – поинтересовалась она. – Когда заканчиваешь?

– Через час.

– Увидимся сегодня? – Подруга не дала ему ответить: – Я к тебе приду вечером. Жди, – и положила трубку.

От звонка Змейки на душе стало еще тяжелее. С каждым днем Егор все сильнее привязывался к новой знакомой, что было весьма неосмотрительно. Рано или поздно ей надоеет его скучное общество, она прекратит эти странные встречи и будет трижды права. Змейка особенная, Егор ничем не мог ее удивить, ничего ей дать. Он помнил, какой чудовищной бывает боль, и не хотел вновь ее испытать. Чем меньше надежд, тем меньше страданий от их крушения. Будь он чуточку сильнее, то запретил бы себе видеться со Змейкой. Но он чувствовал себя слишком слабым, чтобы принимать решения, и в глубине души даже радовался этому. Расставаться с подругой совсем не хотелось. Не сейчас. Пусть все идет своим чередом. А он будет плыть по течению.

Егор шмыгнул носом и посмотрел по сторонам, решая, стоит ли еще постоять или все-таки уйти пораньше. Его внимание привлек человек, сидевший на корточках в паре метров от главного входа в торговый центр. Похоже, он плохо себя чувствовал, а может, был пьян. Спрятал лицо в ладони и не шевелился. И так необычно выглядела его неподвижная фигура среди окружающей суеты, что Егор всерьез подумал, не подойти ли к незнакомцу? Пока он размышлял, его опередили. Какой-то мужчина – Егор видел лишь его широкую спину – помог человеку встать и повел его к стоявшему поблизости автомобилю. Почему-то эта незначительная сценка из городской жизни долго не выходила из его головы.

Глава 5

Из соседней комнаты доносился мужской голос. Кто-то спорил по телефону, – второго собеседника не было слышно.

– Я тебе сказал, что у меня дела, не ори, – разобрал Кирилл в полусне. – Приеду домой, как только смогу. Какая любовница? Не мели чушь! Все путем. Дыши глубже. Скоро буду!

Повисла тишина, и на несколько секунд Кирилл снова заснул. А потом почувствовал на себе чей-то взгляд и резко открыл глаза. Вчерашний его спаситель стоял в проеме двери.

– Разбудил? – любопытствовал он.

– Который час?

Максим посмотрел на часы:

– Почти десять. Здорово ты отключился.

Кирилл приподнялся на постели и огляделся:

– Где я? – и не сдержал улыбки, вспомнив, сколько раз задавал этот вопрос за последнюю неделю.

– У меня на квартире. Женатому мужику полезно иметь свободную хату, – подмигнул ему Макс.

Кирилл понимающе кивнул.

– Жена звонила?

– Ага. Ночевать не приехал, так Надька скандал закатила.

– Отчего не приехал? Меня караулил? Может, расскажешь мне, что происходит?

Макс молча подошел к окну и уставился на заснеженные крыши соседних домов. Он боялся этого вопроса. Всю ночь шатался по квартире, размышляя, как вести себя в сложившейся ситуации, что говорить другу. Глупо надеяться, что Глеба удовлетворят его сказочные объяснения. Макс хотел открыть товарищу правду, но как предугадать, какая последует реакция? Накануне злосчастного эксперимента Глеб не отличался адекватностью, маловероятно, что и сейчас здравый смысл на него снизошел. Кто знает, как поведет себя друг, узнав про причины, сподвигнувшие его на добровольную амнезию? Не захочет ли убить себя, как планировал прежде? Или обратится в полицию с покаянием и заодно выдаст всех участников аферы? К сожалению, Макс не мог доверять Глебу. И это приводило его в бешенство.

Хренов идиот! Превратил себя в пустоголового болвана и еще смеет задавать вопросы! Сидел бы тихо, пока разумный человек подтирает за ним дерьмо! Это ж надо так вляпаться! Мало того, что устроил цирк с амнезией, так еще умудрился в разборки попасть. Какого хрена его держали в подвале? Чего от него хотели? Это он, Макс, сейчас должен вопросы задавать. И получать честные ответы. А вместо этого крутится, как уж на сковороде, придумывает, что сказать.

Мужчина всегда избегал сложных задач – они выводили его из равновесия. В его мире не существовало полутонков, так жилось проще и спокойнее. Но нынешнее положение отвергало шанс на быстрые и однозначные решения. Макс растерялся от обилия эмоций и отчаянно пытался выделить одну, главную, чтобы обрести утраченную стабильность. Не очень-то у него получалось. Он цеплялся за злость, но она подсовывала вместо себя сожаление или страх. Те тоже надолго не задерживались, сменяясь новой порцией гнева. Эта бесконечная карусель напрочь убивала самообладание, нервируя Макса пуще прежнего.

Он не знал, что делать.

Кирилл терпеливо ждал ответа, прислонившись затылком к стене. Голова болела, запястья раздражающе ныли, и в целом он чувствовал себя паршиво. Внутри закипало нехорошее ощущение чего-то неправильного. Даже в первые дни после пробуждения в незнакомом доме Кирилл не испытывал такой тоскливой неудовлетворенности – словно он был не хозяином

своей судьбы, а безвольной игрушкой в чьих-то руках. Хотелось вырваться из этих цепких лап, вновь почувствовать упоительную свободу – как тогда, посреди пустынного белого поля.

Стены давили, ограничивали, не пропускали свежий воздух, которого так жаждали легкие. Кирилл боролся с искушением рвануть с места и выбежать на улицу. Навалилась внезапная усталость – от замкнутого пространства, от его странных спасителей, сменяющих один другого, от изнуряющих недомолвок. Новый знакомый что-то знал, – но не собирался делиться информацией. Вступать с ним в дискуссию, пытаясь вывести его на чистую воду, не было ни малейшего желания. Эти игры слишком утомительны.

Кирилл встал и, не говоря ни слова, покинул комнату. В прихожей, надев куртку и взявшись за ручку двери, услышал недовольный голос Макса:

– Далеко собрался?

– Далеко.

– Не думаю, – хозяин квартиры сел на тумбочку и принялся крутить брелок с ключами.

Кирилл повернул замок – дверь была заперта на ключ. Эта песня хороша, начинай сначала. Он что, медом намазан? Какого черта все подряд стремятся сделать из него затворника?

– Надо полагать, если я попрошу открыть, ты откажешься?

Макс едва сдержался, чтобы не вскочить и не схватить товарища за грудки. Было так хорошо: нормальная жизнь, нормальная компания. Нет же, надо было все испортить. И как это исправлять, непонятно. И ведь сам виноват не меньше: проигнорировал бы просьбу Глеба и не отвез бы его на другую квартиру, ничего непредвиденного не случилось бы. Куда ни кинь, везде клин. Нужно звонить Джеку, пусть разбирается с жертвой эксперимента. А взаимные претензии они обсудят позже, когда решат, что делать с Глебом.

– Советую тебе сесть и не дергаться.

– Советую отдать мне ключи. – Кирилл сжал кулаки и шагнул вперед. Он ничего не имел против этого человека, в конечном итоге незнакомец ему действительно помог. Но общение явно не складывалось. Разбираться в причинах этого не было ни сил, ни настроения. Единственное, о чем он мечтал, – выбраться отсюда, убежать куда подальше и хорошенько поразмышлять в одиночестве.

– Да ладно тебе, старик, – губы Макса растянулись в ухмылке. – Ты не в лучшей форме. Не нарывайся, и обойдемся без насилия.

Мгновение Кирилл напряженно смотрел на противника, обдумывая его слова, а затем вдруг расслабился, будто потерял интерес к происходящему:

– Отлично. Когда будут новости, сообщи. – Он прошел обратно в комнату, не предприняв попытки атаковать противника, и сел на кровать.

Максим проводил его недоуменным взглядом. Чего-чего, а такой покорности от друга он точно не ожидал. Неужели от прежнего Глеба не осталось ничего, кроме внешности? Вопреки здравому смыслу, Макс верил: даже лишившись памяти, товарищ непременно сохранит то, что составляло его личность, что позволяло им находить общий язык, делало их родными людьми. Выходит, он заблуждался. Глеб, которого он знал долгие годы, исчез. И вернется ли когда-нибудь – неизвестно. Сейчас в его квартире находился чужой человек.

Макс достал из кармана мобильный телефон и набрал номер Джекила. После долгих гудков тот все-таки взял трубку:

– Рад тебя слышать.

– Ага, я тоже. Подъезжай ко мне на хату, которая в центре, – без предисловий сказал Макс.

– Извини, нет времени. У меня тут проблема, – уклончиво сообщил товарищ.

– Твоя проблема у меня дома, сидит на кровати в соседней комнате.

На другом конце провода повисла тишина.

– Эй, старик? Ты там нормуль? Приезжай по-любому. Я не знаю, что... – Макс не успел договорить, рухнув на пол.

Кирилл отбросил тяжелые настольные часы, которые удачно попались ему под руку, перевернул поверженного противника, поспешно обшарил карманы в поисках ключей и удивился, обнаружив свой собственный паспорт. Вероятно, Макс прихватил его со столика у бассейна в подвале, где держали заложника.

Прежде чем покинуть квартиру, Кирилл убедился, что мужчина жив и скоро придет в чувство. К тому моменту, как Макс, матерясь и держась за голову, поднялся на ноги, беглец находился уже в двух кварталах от его дома.

День стоял солнечный, морозный, но у понурого путника на душе скребли кошки. Противоречивые эмоции обуревали его, хотелось заснуть и очнуться в иной реальности или хотя бы перенестись на несколько дней назад, когда он смирился с амнезией и научился радоваться настоящему. Странные события, произошедшие накануне, не укладывались в голову. Чего хотя бы стоил фантастически нелепый поступок Ольги.

Кирилл сразу заподозрил в соседке что-то неладное, но такой неадекватности не предполагал. Что там она рассказывала? Школьная любовь, изнасилование? Наркотик, которым Ольга его опоила, дурманил голову, душещипательный монолог запомнился ему плохо. Он не мог поручиться, но вроде бы Велецкая намекала, что одним из негодяев, надругавшихся над ней, был он сам. Если это не слуховая галлюцинация, то можно ли верить словам не вполне нормального человека? Не плод ли ее больной фантазии вся эта история? Как выяснить правду и не подставиться? Возвращаться в поселок ему нельзя. Там его наверняка поджидают. Ситуация напоминает второсортный фарс. Только весело почему-то не было.

Первое, что Кирилл сделал, это снял в банкомате деньги с карты.

Голова кружилась, его тошнило, желудок сводило от голода. Он зашел в ближайшее кафе, уселся за столик и сделал заказ. В теплом помещении его разморило. Чтобы прогнать сонливость, он попросил двойной эспresso. Выпил залпом, обжегши нёбо. От горького напитка бодрости прибавилось. Кирилл с удовольствием съел обед, на десять минут забыв о проблемах.

– Простите, вы не подскажете, есть ли рядом гостиница? – спросил он улыбочивую официантку.

– Рядом есть, но очень уж дорогая, – девушка с сочувствием посмотрела на посетителя. Выглядел он помятым и несчастным, но на алкоголика не походил. Интеллигентный с виду человек, привлекательный, глаза выразительные, темно-карие. Наверное, горе какое-то в семье. Приехал из другого города и даже не узнал заранее, где можно остановиться на ночлег. Бедняжка.

– Погодите, вдруг кто-то из коллег знает, я спрошу, – официантка упорхнула в служебное помещение и вернулась через пять минут. Лицо ее победоносно сияло.

Кирилл улыбнулся:

– Хорошие новости?

– Да! В пяти троллейбусных остановках отсюда есть скромный и доступный мотель. Давайте, я вам нарисую, как туда добраться.

Сунув в карман салфетку со схемой проезда, Кирилл расплатился по счету и еще раз поблагодарил девушку за отзывчивость.

– Вы не отчаивайтесь, – неожиданно произнесла она. – Все будет хорошо. Даже если сейчас все складывается не самым лучшим образом.

На секунду Кирилл заколебался: а не поведать ли наивной девчонке о своих злоключениях? Будет ли она после этого настроена так же позитивно или согласится, что порой жизнь оказывается дрянной штукой. Можно тысячу раз повторять, что все будет хорошо. Вряд ли это что-то изменит. Для решения проблем красивых фраз недостаточно.

Официантка смотрела на него с обезоруживающим воодушевлением, он не посмел испортить ее настроение.

– Я не отчаиваюсь. – Кирилл кивнул и направился к выходу, а спустя час уже заходил в тесный гостиничный номер, пропахший табаком и хлоркой. При других обстоятельствах новый постоялец предпочел бы если не более изысканное, то хотя бы менее убогое жилище, но сейчас ему было не до изысков. Во-первых, деньгами лучше не разбрасываться – неизвестно, на что еще они понадобятся. Во-вторых, Кирилл буквально шатался от усталости, да и руками стоило заняться. На забинтованных запястьях выступила кровь, неплохо бы сменить повязки.

Достал из пакета бинты, антисептик и обезболивающее, купленные по дороге, снял со спинки кровати чистое полотенце и пошел в ванную. Процедура оказалась крайне неприятной и затянулась на полчаса. Кирилл вытер испарину на лбу, выкинул грязные бинты в мусорное ведро и повалился на жесткую койку.

Глава 6

Психотерапевт Иван Кравцов сидел за рабочим столом, выстукивая пальцами нервную мелодию. Со стороны могло показаться, что он раздумывает над важным решением, на самом же деле он пребывал в полной растерянности, не зная, в каком направлении мыслить. Он всегда справлялся с неожиданными ситуациями, мгновенно находя правильные варианты действий, но в этот раз не видел даже намека, куда двигаться. Его творение, его удача, доказательство собственного профессионализма бесследно испарилось. Джек оставил Глеба без присмотра всего на два дня, а когда вернулся в коттеджный поселок, обнаружил пропажу. За время его отсутствия что-то случилось, но узнать, что именно, не было ни малейшей возможности.

Загородный дом, где поселился Глеб, оказался пуст. Джек опросил соседей, но никто не сказал ничего определенного. С обитательницей особняка, куда Глеб навещался в последние дни, побеседовать не удалось. Хмурый охранник буркнул, что хозяева срочно уехали и неизвестно когда будут. Джек облазил все окрестности, посетил ближайшие магазины, почти сутки проторчал у дома, карауля Глеба, – все тщетно. Того будто никогда и не существовало.

Джек прикидывал в уме версии, способные объяснить странное исчезновение друга. Первой пришла мысль о внезапном возвращении памяти. Процент вероятности столь скорого восстановления был невелик, но все-таки имелся. Могло стать, Джек что-то упустил во время эксперимента, не рассчитал дозу препаратов, недооценил волю пациента. Если Глеб избавился от внушения, найти его нереально. Иван хорошо помнил видеозапись, которую товарищ адресовал самому себе.

DVD-диск обнаружили в квартире, куда Макс привез подопытного, будучи уверенным, что поступает умно и благородно. Увидел бы он запись, небось изменил бы свое мнение. Глеб выработал четкую инструкцию, которой должен был следовать. И в этой инструкции прямо говорилось: брать ноги в руки и уматывать в другой город, бежать без оглядки. Даже паспорт ухитрился раздобыть на новое имя. Очень уж не хотел, чтобы его когда-нибудь отыскивали. Намеревался выкинуть старых друзей из своей жизни. И добился бы своего, если бы не дотошность Джека.

Психотерапевт Иван Кравцов очень хотел, чтобы все было правильно. Он распланировал эксперимент от и до, учел малейшие нюансы, подготовил все необходимое для успешного наблюдения за адаптацией своего пациента. Идиотский поступок Макса, поддавшегося на уговоры Глеба, едва не отнял у Джека рычаги управления. В последний момент подопытного все-таки вернули под его надзор. И вдруг такая неожиданность...

Да, память могла восстановиться. И все же Джек отвергал эту версию. Слишком мощному воздействию он подверг психику Глеба. Неделя – катастрофически малый срок для выздоровления. От внедренных блоков быстро не избавишься.

Скорее всего, Глебу по какой-то причине приспичило сменить место обитания. Поселок ему не понравился, и он переехал в город. Неясно, конечно, зачем делать это столь поспешно. Впрочем, Глеб всегда был импульсивным. Даже при амнезии доминирующие черты характера никуда не деваются. Вопрос в другом: где искать беглеца?

Пока напрашивался лишь один адекватный способ: сообщить в полицию. Фотография есть, новые имя-фамилия известны. Однако Джек надеялся найти альтернативное решение проблемы. Привлекать внимание правоохранительных органов не хотелось в принципе. А учитывая щекотливость ситуации – и подавно. Минуло уже двое суток, а Кравцов, к стыду своему, еще не принял решения.

Когда зазвонил мобильный, несколько секунд он в замешательстве смотрел на дисплей: вот кого сейчас не ждал услышать, так это Макса. Последний раз они виделись десять дней назад, когда тот вызвался помочь с транспортировкой пациента, увез его по другому адресу

и с тех пор не объявлялся. Джек не торопился выходить на связь: был занят наблюдением за Глебом. Ставить Макса в известность о своих делах он пока не планировал. Кравцов уже сотворил одну глупость, втянув Елизавету в это мероприятие. В нужный момент она кое с чем ему помогла и теперь считает, что имеет право быть в курсе событий. По большому счету, считает правильно. Хотя это и был эксперимент Джека, без участия друзей он бы состоялся еще не скоро. Так что полностью игнорировать товарищей нельзя.

Телефон настойчиво трезвонил.

– Рад тебя слышать, – без энтузиазма сказал Джек, взяв трубку.

После разговора он не мешкал ни минуты. Попросил секретаршу перенести назначенные на сегодня сеансы, выбежал из клиники, сел в машину и вырулил на проспект. Макс сообщил невероятную новость. Сперва Джек дар речи потерял, подумал, что его не понял. Но когда фраза друга оборвалась на середине и послышался звук падения – его словно током шарахнуло. Вероятно, каким-то образом Макс действительно удалось затащить Глеба к себе домой, но что произошло дальше? По дороге Кравцов беспрерывно набирал номер друга, но телефон был отключен.

Дверь в квартиру оказалась открыта. Джекил шагнул в прихожую, едва не столкнувшись лбом с хозяином.

– Скажи мне, что он еще здесь, – попросил Джек, скрывая волнение.

Макс сжал кулаки, хрустнув пальцами:

– Хотел бы.

Гость медленно выдохнул, стараясь унять сердцебиение. Прошел в кухню, налил из крана воды и выпил залпом. Отодвинул стул и уселся, вопросительно глядя на товарища:

– Рассказывай.

Макс рассказал. Ничего не утаил.

Двойские чувства испытывал Джек, слушая эмоциональный монолог друга. С одной стороны, негодование оттого, что все вышло из-под контроля, с другой – восторг от осознания собственного профессионализма. Опыт по блокировке отдельных участков памяти завершился блестяще. Психотерапевт Кравцов имел веские основания гордиться собой и результатом своего труда. И то, что подопытный, забыв факты личной жизни, сохранил прежний характер, лишь подчеркивало успех эксперимента.

– Итак, полуживой Глеб вырубил тебя и скрылся, – подвел итог Джек, пряча под ладонью улыбку.

Макс стукнул кулаком по столу:

– Да хрен бы он меня вырубил, если б я не отвлекся! Вот сука, башка до сих пор трещит, – он погладил затылок. – Не замечал я за ним прежде такой агрессивности.

– Вы раньше по одну сторону баррикад были, а теперь по разные. Вот ты и ощутил, так сказать, в полной мере его воинственность. – Джек развеселился. Ситуация получалась увлекательная. И что приятно: он сам ее смоделировал. Если бы не промыл Глебу мозги, тот бы уже давно наложил на себя руки. И не сидели бы они сейчас у Макса дома, прикидывая, где отыскать товарища, а стояли бы у могилы на кладбище, оплакивали покойника.

– Не велико удовольствие, – собеседник хмыкнул и помолчал. – Я дома двое суток не был. Надька меня порвет. Надо решать по-скорому, что делать.

– Ты сказал, Глеб твой мобильный взял?

– Ага.

– Тогда будем ждать, когда он его включит, чтобы выйти на контакт уже на своих условиях.

Посидели еще час, договорились периодически звонить на изысканный Глебом телефон – не ответит ли? На том и распрощались. Макс не терпелось попасть домой и поскандальить с женой, чтобы отвлечься от тягостных мыслей о потерянном друге. Джек же никуда не торо-

пился. Настроение его заметно улучшилось, и предчувствия появились самые радужные. Он даже решил заехать в любимый бар, пропустить стаканчик.

Не бывал в этом заведении больше двух лет, с того самого момента, когда поздним апрельским вечером сбил пешехода. И хотя благодаря помощи товарищей ответственности за преступление Джеку удалось избежать, охоту к выпивке надолго отбило. Сегодня он почувствовал, что страх отпустил. Картина из прошлого утратила четкость, стала размытой, как неудачный акварельный набросок, и едва держалась в памяти. Внутреннее напряжение, незримо присутствовавшее на протяжении последних месяцев, незаметно исчезло. Джек перестал опасаться неприятных эмоций, которые испытал в момент аварии и сразу после нее. Все это стало далеким и ненастоящим. Это никогда не повторится.

В баре ничего не изменилось. Те же темные стены с тяжелыми бра, те же мягкие уютные кресла, та же ненавязчивая, обволакивающая джазовая музыка – у управляющего определенно есть вкус. Было пусто, рабочий день еще не закончился, обычно народ стекался ближе к вечеру. Джек заказал бренди и устроился в дальнем углу у мрачной, в полстены, фрески, давно привлекавшей его внимание. На ней была изображена узкая извилистая речка, почти ручей, петлявший среди черных голых деревьев. Их сучковатые ветви царапали низкое темное серое небо, светлевшее к горизонту. Казалось, там, в недостижимой мерцающей дали, таились разгадки всех существующих тайн, ответы на любые вопросы. Туда-то и плыла унылая лодка, управляемая одиноким гребцом. Он был нарисован со спины, что не давало понять – мужчина это или женщина. Длинное белое одеяние скрывало фигуру, и даже руки, державшие весла, прятались в складках тяжелой ткани. Джеку нравилась загадочная фреска. Периодически он делал попытки выяснить, кто ее автор, но сотрудники заведения не имели об этом никакого понятия.

– Я единственный, кто работает в баре с момента его открытия, а это без малого девять лет, – с гордостью ответил управляющий, когда подстегиваемый любопытством Джек обратился к нему. – Но когда я пришел сюда, дизайн был уже готов. Насколько я помню, владелец купил помещение оформленным. Только мебель свою завез.

Джек отпил глоток терпкого напитка, оставлявшего во рту приятное послевкусие, и удивился тому, как долго ограничивал себя в этом удовольствии. Промахи бывают у каждого, и против несчастливых совпадений никто не застрахован. Он сотни раз садился за руль, будучи пьяным, и сотни раз удачно добирался до места назначения. В день аварии все было как всегда, за исключением того, что глупому пешеходу приспичило прогуляться на ночь глядя вдоль пустынной дороги. Ничего особенного. Лишь два факта, наложившихся один на другой. Два решения, пересекшихся в точке трагедии. Случайность, которую давно стоило выкинуть из головы.

Задумчивый взгляд остановился на фреске. Джек не моргая смотрел на призрачную фигуру гребца, пока не вздрогнул: на мгновение ему почудилось, что тот повел плечами и оглянулся, встретившись глазами со зрителем. Джеку стало не по себе. Он поморгал, прогоняя наваждение, и перевел взгляд на барную стойку, за которой флегматичный парень в белой рубашке протирает бокалы. Кравцов поднял руку с пустым стаканом, требуя добавки.

Макс недоумевал, кто и зачем держал Глеба взаперти, намереваясь сделать из него отбивную. У Ивана Кравцова на этот счет вопросов не возникло. Товарищ закрутил роман с соседкой, и скорее всего ее муж застал их за недвусмысленным занятием. Вряд ли обманутый супруг убил бы любовника, но шкуру бы ему попортил изрядно, не вмешайся Макс. Надо будет встретиться с дамочкой и раскрутить ее на откровенную беседу. Прикинуться братом, разыскивающим пропавшего родича, страдающего временными провалами в памяти. Женщины склонны верить в бразильские страсти. Авось расскажет интересные детали. Впрочем, это не к спеху.

Легкое опьянение ударило в голову. Джек развалился в кресле, откинув голову на мягкую спинку. Еще недавно он испытывал неудовлетворенность и искал острых ощущений, счи-

тая свою жизнь однообразной. Единственной отдушиной были редкие авантюры в рамках их узкого круга, коих он ждал трепетно и терпеливо. Выплеска адреналина хватало надолго; обычно после реализации чьего-то желания Джек несколько месяцев смаковал воспоминания. Когда их запас истощался, начинал предвкушать очередное событие. Иногда приходилось ждать долго, и это вносило определенный дискомфорт. Минувший год в этом отношении выдался урожайным: каждый из четверых друзей озвучил свое право и получил желаемый результат. Пятый круг получился восхитительным. Джек был в восторге.

Жаль, что игра прервалась и вряд ли продолжится. Участники зашли слишком далеко, шагнуть еще дальше никто не решится. Иван не сильно горевал. Судьба благоволила ему: отняв одно развлечение, подарила другое, не менее захватывающее. Необычное, приятно-тревожное чувство разливалось внутри. Джек переживал один из редких периодов жизни, когда желания совпадают с возможностями. Он понимал, чего хочет и как этого добиться минимальными усилиями.

Глеб непременно появится. Не тот он человек, чтобы игнорировать шанс получить ответы. Схватившись за ниточку, ни за что ее не упустит, пока не размотает весь клубок. Если бы Макс вел себя деликатнее и не пытался удерживать товарища силой, тот бы и не подумал сбегать. Но что случилось, то случилось. Глебу нужно восстановить душевное равновесие и отдышаться, чтобы вновь появиться на горизонте. Долго ждать не придется.

Джек не ошибся. Долго ждать не пришлось.

Глава 7

– Ну, Сан Саныч, ты нас всех пристыдил своими успехами! – молодой парень в скучном сером костюме под стать своему невыразительному лицу похлопал по плечу старшего коллегу. Тот уныло кивнул, налил из кулера холодной воды и молча уселся за рабочий стол. Отодвинул ребром ладони стопку документов, освобождая место для стаканчика.

– Нет, ты скажи, как ты умудряешься из месяца в месяц бить рекорды продаж? – молодой сотрудник был явно настроен на разговор. Он навис над столом, испытующе глядя на коллегу близко посаженными глазами.

– Везение, – отмахнулся Сан Саныч и уставился в монитор.

Диалог происходил в офисе фирмы-дистрибьютора импортной сантехники, куда Александр Александрович Тубис устроился полгода назад менеджером по продажам. Было ему сорок лет, хотя все давали не больше тридцати двух. Где бы он ни работал (а за свою трудовую деятельность сменил он больше десятка компаний), его везде называли не иначе как Сан Саныч. То ли потому, что имя-отчество говорящие, то ли потому, что выглядел он, несмотря на молодость, внушительно и при этом по-свойски. Словоохотливостью он не отличался, предпочитал роль слушателя. Чужим речам внимал бесстрастно, комментировал их редко и только по существу, в связи с чем быстро приобретал имидж человека мудрого, к которому не грешно за советом обратиться. Впрочем, советы он давал крайне неохотно, искренне недоумевая, зачем его трогают.

С таким не слишком коммуникабельным характером вдвойне удивляли его навыки продавать что угодно и кому угодно. Менее удачливые сотрудники нет-нет да подсматривали тихонько, как Сан Саныч работал с клиентами. Говорил он мало, пять-десять фраз – самых незамысловатых. В интонации, что ли, дело было? Или в харизме? У редкого покупателя не возникало желания приобрести предлагаемый товар после короткой беседы с приятным, ненавязчивым менеджером.

Словом, работал Сан Саныч успешно, хотя и без особого энтузиазма. Хорошо выполнял свои обязанности, но не рвался вверх по карьерной лестнице. Ему бы побольше амбиций – давно бы занимал приличную должность. Тубис чурался суеты. Он давно разобрался с собственной жизнью, расставил приоритеты и не видел нужды что-то менять. За одним исключением.

– Как будешь Новый год отмечать, Саныч? – парень предпринял последнюю попытку разговорить коллегу.

– Дома.

– В компании?

– Один. – Сан Саныч допил воду и выбросил пластиковый стаканчик в мусорную корзину.

– Как же так? Новый год – и один? Даже мамзель никакую не пригласишь? – молодой сотрудник театрально округлил глаза. – Неужели у такого импозантного мужика нет дамы сердца?

Тубис пожал плечами и открыл на экране таблицу, давая понять, что разговор окончен.

Дама сердца у него была. Давно.

Обычно Сан Саныч на работе задерживался: жил в пригороде, где купил недавно маленькую, но сносную лачугу, по пробкам добираться домой было сущим наказанием. Предпочитал выезжать позже, когда основной поток машин поредеет. Но сегодня он ушел пораньше: хотел заехать в магазин, купить кое-какие вещицы для обустройства домашнего очага.

Ремонту жилища Тубис посвящал все свободное время и находил в этом утонченное удовольствие. По своей натуре он был кочевником, место жительства менял неоднократно. Но

каждый раз, приняв решение обосноваться где-то, выкладывался по полной, придавая новому дому уют.

В магазине долго бродил между стеллажами, придирчиво выбирая коврики и подушки. В доме было две комнаты – гостиная и спальня. Их он давно укомплектовал всем необходимым. Мелочи, купленные нынче, предназначались другому помещению.

Подвал он ремонтировал несколько месяцев. Чинил лестницу, перестилал полусгнившие полы, исправлял электропроводку. Делал все самостоятельно, с любовной педантичностью. Большинство людей вряд ли бы вкладывали столько усилий в облагораживание помещения, не подходящего для непосредственного проживания. Тубис придерживался иного мнения. Он любил, чтобы каждый уголок дома радовал глаз. При изрядной доле трудолюбия и настойчивости даже самый запущенный подвал можно преобразить.

Путь из города занял три часа: из-за предпраздничной истерии дороги были забиты anomalно. Водители спешили, нервничали, перестраивались из ряда в ряд и беспрерывно сигналили. Тубис периодически поглядывал на заднее сиденье, где лежали покупки, и улыбался. Бордовый палас отлично впишется в интерьер новой комнаты.

Домой он добрался в одиннадцатом часу. Ударил морозец, городской шум остался позади, на серо-синем небе проступило несколько звездочек. Мужчина выгрузил поклажу, открыл калитку, скрипнувшую с гостеприимным восторгом, и зашел во двор. Взрослая овчарка Анька радостно залаяла, бросилась к хозяину, как щенок.

– Тише, тише, – притворно сердито пробурчал тот.

Показная строгость собаку не обманула. Она все норовила упереться передними лапами в грудь хозяину и облизать его лицо.

– Фу, уймись ты, уймись, – он увернулся от настойчивой ласки и поднялся на крыльцо. – Обожди, сейчас накормлю.

Услышав в голосе хозяина многообещающие интонации, овчарка коротко гавкнула и села у порога в ожидании лакомства.

Аньку Сан Саныч подобрал на улице. То ли кто-то выкинул кутенка, то ли он просто потерялся – неизвестно. Был он тощий и грязный и жалобно поскуливал сквозь закрытую пасть. Жил тогда Тубис один, противиться неожиданному питомцу было некому. Через пару недель щенок отъелся, оправился. А спустя еще месяц в жизни Тубиса появилась любимая женщина. Глупо связывать два этих события воедино, но вопреки логике он верил: это Анька притянула удачу. Куда бы он ни переезжал, брал овчарку с собой, ни на минуту не допуская мысль оставить ее. Она была больше, чем питомец. Она была талисманом.

Насыпал в миску корма, вынес на улицу. Анька сперва обежала хозяина два раза, проверяя, все ли с ним в порядке, и лишь потом принялась за еду. Несколько минут Сан Саныч наблюдал за ее звонким чавканьем, потом зашел в дом. Наскоро поужинав, спустился в подвал.

Было прохладно: стены-то он утеплил, а вот электрический обогреватель до сих пор не установил. Это был единственный минус. Больше придаться не к чему. На шестнадцать квадратных метрах удалось разместить узкий жесткий диван, круглый столик и два пуфика вместо стульев. В углу от пола до потолка расположилась массивная шведская стенка: пришлось повозиться с ее установкой. Этот компонент интерьера казался лишним и неуместным, но Тубису нравились изделия из металла. Порой он проводил ладонью по гладким стальным прутьям, с удовольствием осязая холодную безупречную поверхность. В такие минуты ему мечталось о чем-то невнятном и далеком, и странная жажда рождалась внутри; хотелось задержаться в этой чарующей дреме подольше, чтобы распробовать ее, вдоволь напиться ею. Вот и сейчас он загляделся на отсвечивающую под искусственным светом конструкцию и задумался, переносясь воспоминаниями в далекое прошлое.

Было это несколько лет назад, а словно целая жизнь минула с тех пор. Стоял пасмурный ноябрьский день, Тубис сидел у окна своей квартиры и с тоской глядел на унылый сквер.

Обычно среди редких деревьев непременно кто-то бродил, но сегодняшняя погода не располагала к прогулкам. Люди торопились домой, чтобы забраться в мягкое кресло перед телевизором. Лишь изредка в поле зрения появлялись прохожие – такие же бесцветные и понурые, как окружающая природа, – быстро пересекали сквер и растворялись в городских улицах.

Юная Анька спала у ног, беспокойно шевеля ушами. То ли прислушивалась к дыханию хозяина, то ли переживала тревожное сновидение.

В эту квартиру мужчина переехал недавно, снял ее в аренду за смешные деньги. Мало кто предпочитал жить на первом этаже – никакой приватности. Любой зевака мог заглянуть в окна. Тубиса это не смущало. Кованые решетки надежно защищали от воров, да и просто радовали глаз.

Справа через дорогу находился небольшой цветочный магазин. Прежде Сан Саныч не замечал его, но сегодня взгляд скользнул мимо, а потом вернулся обратно. Из магазина вышла женщина, видимо продавщица. Несколько минут возилась с жалюзи, опуская их на окна-витрины, затем повесила замок на дверь и направилась к остановке автобуса. Путь ее лежал через сквер. Тубис сосредоточенно следил за женщиной. Ее упругая походка – задорная, как весна, – приковывала внимание. Лица незнакомки Сан Саныч не разглядел в силу своей близорукости. Бежать в другую комнату за очками не решился: не хотел упустить из виду чудесное виденье.

Никто другой не обратил бы на эту женщину столь пристального внимания. Одета она была безвкусно: черное пальто на размер больше, делавшее ее плечи визуально шире; дешевые сапоги на плоской подошве, вязаная серая шапка, из-под которой торчали кончики едва доходивших до плеч волос. Миловидностью незнакомка тоже не блистала. Однако что-то в ее облике, в бодрых шагах и гордой осанке заворожило случайного зрителя. Когда она скрылась за деревьями, Тубис разочарованно вздохнул. В течение получаса он сидел неподвижно, прокручивая в голове трехминутный эпизод, а потом спохватился, разбудил Аньку и выбежал на улицу – узнать расписание работы цветочного магазина.

На следующий день Сан Саныч хорошо подготовился к появлению незнакомки. В тот момент, когда она пересекала сквер, он с овчаркой прогуливался в паре метров от нее. Внешность женщины его не разочаровала: физическая красота никогда не являлась для Тубиса приоритетной. Он смотрел глубже, стремясь постичь яркое содержание за тусклой формой. И то, что он увидел тогда, волновало и притягивало.

Несколько недель Сан Саныч наблюдал за незнакомкой. Наблюдал осторожно, боясь испугать ее своим неотрывным вниманием. Он придумал целую историю ее жизни, нафантазировал сотни обстоятельств... Когда Тубис наконец отважился подойти и заговорить с героиней его дум, он был уже безнадежно влюблен. И Тамара – ее звали как грузинскую царицу – ответила на его чувство. Не могла не ответить. Он все рассчитал правильно.

Те несколько месяцев, что они были вместе, Сан Саныч никогда не забудет. Каждый день, каждую минуту он испытывал восторг. Любимую поселил на даче: в маленьком домике посреди лесной тиши было уютнее, чем в городской квартире, от аренды которой он отказался без сожалений. Вечерами Тубис приезжал с работы, Анька встречала его во дворе неизменным залиvistым лаем. По нему-то Тамара всегда угадывала его возвращение, сделать сюрприз не получалось. А иногда так хотелось удивить ее своим неожиданным появлением...

Тубис вздохнул, вернувшись в настоящее. Расстелил на полу новый палас и уселся на диван, удовлетворенно взирая на преобразившееся помещение. Осталось обить стены плотными гобеленами, и подвал обретет законченный вид. Жаль, похвастаться некому.

Ночью Тубис долго не мог заснуть, ворочался, искал удобное положение. Слишком мягкий матрас засасывал, как болото, казалось, он только и ждал, пока усталого человека сморит сон, чтобы сомкнуть над ним вязкие объятия и похоронить в своем рыхлом чреве. В третьем часу Сан Саныч не выдержал: натянул спортивный костюм, схватил пуховое одеяло и спустился вниз. Не включая свет, на ощупь добрался до дивана, улегся на твердое ложе и моментально

отключился. Спал он спокойно. Сырой подвал оберегал желанного гостя, не пропуская звуки извне, убаюкивая его безмолвной прохладой. Здесь, в двух метрах под землей, царил покой. Только грудь спящего мерно вздымалась под теплым одеялом, да белесое облачко пара слетало с губ.

Глава 8

Кирилл вертел в руках телефон, не решаясь его включить. За сутки он отдохнул и выспался. Крепкому сну не помешал даже агрессивный звук отбойного молотка за окном – рядом с гостиницей ремонтировали дорогу. Проснулся он голодным. Вышел на улицу, позавтракал в первой же забегаловке и вернулся в номер. Нужно было решать, что делать дальше. Пройгнорировать недавние события и начать заново все во второй раз? Или все-таки постараться разобраться в ситуации?

Первый вариант казался ему более привлекательным. На несколько минут Кирилл почти поверил, что так и поступит: забудет о новых знакомых, от которых едва унес ноги, и заживет в счастливом неведении. Но глубоко внутри он понимал, что искушение узнать правду не отпустит его. Как бы он ни пытался убедить себя, что разумнее всего не высовываться, настойчивая мысль выйти на контакт с Максимом не покидала голову. Этот псевдоспаситель обладал информацией, способной пролить свет на прошлое Кирилла. Узнать бы, какие причины заставляют его молчать.

Остро захотелось с кем-нибудь посоветоваться. Передать в чужие руки свое замешательство и разьедающий хаос мыслей. Отойти на безопасное расстояние и наблюдать, как кто-то другой решает твои проблемы. Губы растянулись в горькой усмешке. Пригрезится же такое. Чем ближе тупик, тем ярче фантазии.

Весь день Кирилл валялся на кровати, бессмысленно щелкал пультом от телевизора, изредка задерживаясь на каком-нибудь канале. В одной из передач рассказывали о народных промыслах юга России. Оператор снимал в ярмарочном павильоне, где умельцы хвастались своим товаром: поделками и украшениями из камня, соломенными игрушками, глиняной кухонной утварью. Кирилл рассеянно следил за изображением, пока камера не сделала наезд на круглую фарфоровую фигурку кошки. Закадровый голос прокомментировал:

– Как и все изделия, представленные на ярмарке, эти необычные керамические статуэтки сделаны вручную. Фарфор, как правило, покрывают глазурью, но в данном случае ставропольские мастера взяли за основу «бисквит» – так называют матовый фарфор. Лишенный привычного глянца материал смотрится оригинально и вместе с тем аутентично. Согласитесь: этого забавного котенка так и хочется взять к себе домой.

Кириллу почудилось, что когда-то он уже видел подобную статуэтку. Попытался удержать намек на воспоминание, однако картинка на экране сменилась, и секундное дежавю испарилось.

За окном давно стемнело, в комнате повис неподвижный сумрак. Ремонтные работы прекратились, непривычная ватная тишина забивала уши. Электронные часы на прикроватной тумбочке показывали 21.20.

Громкий стук вывел его из задумчивости. Кирилл нехотя открыл дверь. На пороге стояла администратор мотеля, сочная пышногрудая женщина лет пятидесяти, и приветливо улыбалась.

– Простите, что я так запросто, – она поправила высокую прическу и взглянула на постояльца из-под густо намазанных ресниц. – Коллектив нашего отеля поздравляет вас с Новым годом и желает всяческих благ.

Кирилл приподнял брови:

– С Новым годом?

– Точно так! – женщина хохотнула. Она уже успела пропустить с коллегами стаканчик-другой и пребывала в приподнятом настроении. – Сегодня тридцать первое декабря, стало быть, через три часа наступит первое января.

– Действительно. – Кирилл развел руками. – Вылетело из головы.

– У вас такая насыщенная жизнь, что вы даже о Новом годе позабыли? Как любопытно, – последнюю фразу собеседница произнесла нараспев, явно наслаждалась беседой. Мужчин она любила, а новый постоялец был весьма хорош собой.

– Может, и так. А может, у меня просто плохая память.

Женщина рассмеялась и снова поправила волосы:

– Меня зовут Нина Серге... Нина. Знаете, если у вас нет планов на эту ночь, спускайтесь в холл, у нас там маленький сабантуй.

– Спасибо за приглашение. – Кирилл переступил с ноги на ногу, ожидая, когда сотрудница гостиницы уйдет, чтобы благополучно захлопнуть дверь.

– Приходите.

– Спасибо. Я подумаю.

Нина Сергеевна наклонила голову набок, залюбовавшись мужчиной. Вздохнула с умилением и еще раз повторила:

– Приходите. В компании веселее.

Оставшись в одиночестве, Кирилл снова сел на кровать, недовольно поморщившись: порезанные руки опять заныли, да и ломота в теле никуда не делась – побои давали о себе знать. Интересно, как там Ольга? Поди, ей тоже несладко: и суицид не удался, и убийство сорвалось, и перед мужем нужно оправдываться. Последний, без сомнений, очень расстроился, когда обнаружил исчезновение пленника. На Велецкого Кирилл не злился. Мужика понять можно. Отпахал на работе, пришел домой, а голая супруга плавает в кровавой ванне, да не одна. Тут ни у кого нервы не выдержат. Надо отдать Велецкому должное: он был еще мягок. Окажись Кирилл на его месте, отреагировал бы куда острее и церемониться не стал бы. Хотя как знать? Пока весь его жизненный опыт составляет менее двух недель. Тут есть о чем подумать. Но как же хочется просто наслаждаться жизнью, не тяготясь необходимостью принимать решения, от которых эта самая жизнь зависит. Кирилл натянул куртку и покинул номер.

Долго брел по мокрому от подтаявшего льда тротуару, не выбирая направления, не имея конечной цели. С каждым шагом ему дышалось легче и свободнее, тяжелые мысли постепенно таяли накали, и восхитительная звенящая пустота занимала их место. А вокруг горели окна домов, проносились автомобили, снежная жижа весело чавкала под ногами. Это был совсем другой город – загадочный и одухотворенный. Не тот, что неделю назад.

Кирилл машинально остановился возле кафе, в котором вчера завтракал. Сквозь стекло хорошо просматривалось пустое помещение – посетителей не было, однако заведение работало.

Улыбчивая официантка, заведя старого знакомого, неподдельно удивилась:

– Вы? Здесь? В такое время?

– То же самое могу спросить у вас, – он мельком взглянул на бейджик, – Рита. Молодой девушке в новогоднюю ночь нужно веселиться, а не торчать на работе.

– Предположим, ночь еще вся впереди, я успею реабилитироваться. Да вот и вы заглянули, и мне теперь совсем не скучно, – она сделала паузу, вопросительно глядя на посетителя. Тот ответил:

– Кирилл.

– Итак, чем вас угостить, Кирилл? – Рита достала из кармана бренок блокнотик и ручку, собираясь записать заказ.

– Чем-нибудь на ваш вкус. Я чертовски проголодался.

Официантка ненадолго исчезла на кухне и вернулась с подносом со снедью. Поставила на стол тарелки:

– Рекомендую вот эту горячую закуску. Очень вкусно... – хотела добавить «и недорого», но удержалась. Показавшийся бедняком в прошлый раз, сейчас мужчина производил иное впечатление. Одет он был так же – в добротную куртку, джинсы, неброский свитер. Но выглядел

уже не таким удрученным. Перед Ритой сидел не затравленный, обиженный судьбой человек, искавший ночлега, а его счастливая копия.

– А вы не составите мне компанию? – предложил Кирилл.

– Вообще-то это категорически запрещено, но... – девушка заговорщицки осмотрелась по сторонам. – Но сейчас начальства нет, так что никто не будет возражать.

Рита принесла вторую чашку и уселась напротив, положив локти на стол.

– Хотите рассказать мне свою историю?

– Не особенно.

– Обидно. Я уже приготовилась.

Кирилл поковырял вилкой в салате.

– В последнее время все хотят от меня что-то услышать.

Девушка озорно сверкнула глазами.

– Значит, вы многим интересны. Чем не повод для радости?

– С какой стороны посмотреть.

– А какая сторона приятнее, с той и смотрите. – Рита налила себе из кофейника крепкий черный кофе, добавила сливки. Осторожно, боясь обжечься, отхлебнула горячий напиток. – Или вам ближе пессимистичный взгляд на жизнь?

Кирилл не сдержал улыбки, увидев, как забавно сморщился курносый нос собеседницы. Она казалась совсем юной, однако большие пронизательные глаза выдавали определенный жизненный опыт. Светло-каштановые с рыжкой волосы были убраны в узел на затылке, при этом прическа не выглядела неряшливой.

– Хотел бы сказать, что мне ближе реалистичный взгляд, – ответил Кирилл. – Но это значило бы солгать. Скорее меня кидает из крайности в крайность.

– Я заметила, – кивнула Рита. – Вчера на вас лица не было. А сегодня вы бодрячком.

– Вы всех посетителей запоминаете?

– Выборочно. – Она не обратила внимания на сарказм в голосе мужчины.

– Каков же принцип отбора? – Кирилл отодвинул полупустую тарелку и с интересом воззрился на официантку.

– Хотела бы я сказать что-то умное, – она скопировала интонацию собеседника. – Но это значило бы солгать. А глупости говорить не буду.

Он подумал, что такому красивому ротлику можно простить любую глупость, а вслух спросил:

– Вам не с кем отметить праздник?

– Вы уже уходите? – вопросом на вопрос ответила она.

– Нет.

– Тогда мне есть с кем его отметить, – Рита встала из-за стола. – Подождите, я кое-что принесу.

Вернулась с бутылкой шампанского и фужерами:

– Вообще-то мы спиртного не продаем. Но я давно кое-что припрятала на случай торжества. Уже без четверти двенадцать. Давайте проводим старый год. Какое у вас мнение на его счет?

Кирилл открыл шампанское и разлил по бокалам. В обществе новой знакомой ему было комфортно. Она помогала удерживать внимание на настоящем моменте. Этого оказалось достаточно, чтобы получать удовольствие от общения, не отвлекаясь на свои проблемы.

– Прошлый год, как и все предыдущие, для меня загадка.

Они чокнулись и сделали по глотку.

– Планируете ее разгадать? – Рита вращала бокал, наблюдая, как плещется внутри игристое вино.

– Да вот думаю: стоит ли? – Кирилл помолчал. – А что у вас? Наделали каких-нибудь глупостей?

Девушка мечтательно подняла глаза.

– Ммм, было разное. Если из самого свежего, то вот, – она оттянула горлышко свитера, обнажив острое плечико. На бледной коже, покрытой россыпью веснушек, красовалась татуировка – ярко-розовый цветок с желтой сердцевинкой.

– Ух ты, – искренне восхитился Кирилл. – Красиво.

– По-научному этот цветок называют *Bellis perennis*, что с латинского переводится как «вечная красавица». А если по-простому, то маргаритка многолетняя. Сделала себе такой подарок на день рождения, в честь себя же самой. Хотите, расскажу легенду про это растение?

Кирилл кивнул.

– Великое солнце, – начала Рита, – с сотворения мира любило цветы. А те, пользуясь благосклонностью светила, всегда о чем-то его просили. Одни хотели быть крупнее, другие – душистее, третьи – эффектнее. Только одно скромное растеньице, белыми и розовыми жемчужинами разбросанное по лугу, никогда не изъявляло никакого желания. Солнце заметило это и спросило у цветка, доволен ли тот своей участью?

«Спасибо, я счастлив», – последовал ответ. «Это прекрасно. Но мне хотелось бы сделать для тебя что-то особенное», – возразило солнце. «Если так, единственное, о чем я мечтаю, – цвести во всякое время года, чтобы приносить всем еще больше радости». Солнце выполнило просьбу скромного цветка. С тех пор пухлые лучистые соцветия маргаритки сияют даже в самый пасмурный день. Вот такая легенда. – Рассказчица неторопливо отпила шампанское, смакуя его вкус. – Когда я испытываю искушение впасть в уныние, подхожу к зеркалу и рассматриваю рисунок на плече. И верите – это помогает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.